

ТРИУМФЫ И ДРАМЫ РУССКИХ БАЛЕРИН

Александра Шахмагонова

От Авдотьи Истоминой
до Анны Павловой

Любовные драмы

Александра Николаевна Шахмагонова
Триумфы и драмы русских
балерин. От Авдотьи
Истоминой до Анны Павловой
Серия «Любовные драмы»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64841376

*Триумфы и драмы русских балерин. От Авдотьи Истоминой до Анны Павловой: Вече; Москва; 2018
ISBN 978-5-4484-8629-6*

Аннотация

В книге собраны любовные истории выдающихся балерин XIX – начала XX в. Читатели узнают о любовном треугольнике, в котором соперниками в борьбе за сердце балерины Екатерины Телешевой стали генерал-губернатор Петербурга, «храбрейший из храбрых» герой Отечественной войны 1812 года М.А. Милорадович и знаменитый поэт А.С. Грибоедов. Рассказано о «четверной дуэли» из-за балерины Авдотьи Истоминой, в которой участвовали граф Завадовский, убивший камер-юнкера Шереметева, Грибоедов и ранивший его Якубович. Интересен рассказ о трагической любви блистательной Анны Павловой и Виктора Дандре, которого балерина, несмотря на

жестокою обиду, спасла от тюрьмы. Героинями сборника стали также супруга Сергея Есенина Айседора Дункан, которой было пророчество, что именно в России она выйдет замуж; Вера Каррали, соучастница убийства Григория Распутина; Евгения Колосова, которую считают любовницей князя Н.Б. Юсупова; Мария Суровщикова, супруга балетмейстера и балетного педагога Мариуса Петипа; Матильда Мадаева, вышедшая замуж за князя Михаила Голицына; Екатерина Числова, известная драматичным браком с великим князем Николаем Николаевичем Старшим; Тамара Карсавина, сама бросавшая мужей и выбиравшая новых, и танцовщица Ольга Хохлова, так и не выслужившая звания балерины, но ставшая женой Пабло Пикассо.

Содержание

Балет и балетные трагедии. К читателям	7
«Четверная дуэль» из-за балерины. Авдотья Истомина (1799–1848)	20
Драмы русской Терпсихоры	20
«Мимический дар и... завершенность танца...»	29
Дуэль четверых	34
Судьба Истоминой	48
Продолжение четверной дуэли	52
Звёздный любовный треугольник. Милорадович, Грибоедов – Екатерина Телешева (1804–1857)	63
Зачем манишь рукою нежной?	63
Соперники... по разные стороны баррикад?	79
«...увлекала самого бесстрастного зрителя»	88
Любовница князя Юсупова? Евгения Колосова (1780–1869)	92
Казус в Эрмитажном театре	92
Встреча с императором Павлом I	99
Балет в России	103
Семейная жизнь не мешала сцене	112
Дочь Колосовой могла стать возлюбленной Пушкина	114
Внебрачные сыновья князя Юсупова?	118

«Свет-Наташа! Где ты ныне?» Наталья	126
Овошникова	
Кто же первая любовь Пушкина?	126
Наталья Овошникова или Софья Сушкова?	145
Конец ознакомительного фрагмента.	146

Александра Шахмагонова Триумфы и драмы русских балерин. От Авдотьи Истоминой до Анны Павловой

© Шахмагонова А.Н., 2018

© ООО «Издательство «Вече», 2018

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2021

Сайт издательства www.veche.ru

Балет и балетные трагедии. К читателям

Считается, что балет в России берет свое начало в годы правления царя Алексея Михайловича, прозванного Тишайшим именно за то, что он тихо, без шума открыл в России очень много дельного и полезного. Именно при нем, скажем, введены в России полки нового строя – то есть так называемое «регулярство», лишь незначительно дополненное во времена его преемника, которому приписаны многие достижения Тишайшего. При нем открылось и балетное искусство, о котором в одной известной песне времен социализма говорилось, как бы между прочим, что «даже в области балета мы впереди планеты всей».

Вот ведь что получилось. Как будто бы принесли к нам на Русь это волшебное искусство иноземцы, но именно у нас оно стало развиваться стремительно, и именно наши балерины вскоре затмили всех иноземных танцовщиц.

Но в книге речь не о самом балете, а о его труженицах, о тех, что из года в год, из поколения в поколение совершенствовали свое мастерство, а вместе с совершенствованием мастерства проходили и путь завоевания все новых и новых высот на ниве любви. Но при этом немало любовных драм выпало на долю тех, кто дарил людям волшебное свое искус-

ство.

Были времена, когда балерин-танцовщиц и за людей не почитали – лицедейки и все тут. Они не имели никаких прав, с ними поступали так, как того желали их хозяева. Впрочем, как и вообще со служительницами Мельпомены. Вспомним кинофильм «Крепостная актриса». Скажете, мол, художественный фильм – это произведение не документальное. Не совсем так. В кинофильме ведь на главных ролях герои реальные.

Но давайте посмотрим, кто хозяин крепостной актрисы? «Гнусный турок» Кутайсов. Персонаж исторический, персонаж реальный. Уточним только, что имеется в виду Иван Павлович Кутайсов. Уточнение необходимо, поскольку сын этого «гнусного турка» – блистательный герой Отечественной войны 1812 года, сложивший голову за Отечество в Бородинском сражении. Он-то иначе относился к прекрасному полу, нежели его отец, любитель всевозможных интриг, в которые пытался втянуть даже своего благодетеля императора Павла I. Известна история с красавицей Анной Лопухиной, в которой, кстати, император оказался на высоте. Павел Петрович действительно ухаживал за Анной Лопухиной, действительно поселил ее в специальном павильоне близ своего дворца, действительно каждый вечер посещал ее, но, когда его ухаживания подошли к грани серьезной, Лопухина разрыдалась и призналась, что давно любит князя Гагарина, находящегося в это время в армии Суворова в Италии.

Император немедленно извинился, укорил за то, что не сказала сразу, вызвал Гагарина из армии – тот как раз отличился в одном деле и был направлен с реляцией к государю – и устроил счастье молодых. На Западе бы скорее депеша была иного содержания – прибить соперника где-нибудь потихоньку. Но русские государи отличались благородством...

Но факт остается фактом – в кинофильме «Крепостная актриса» верно показано ужасное, бесправное, унижительное положение крепостной, состоящей в театральной труппе вельможи, вознесшегося в князи из грязи. Ну а те, кто вышел в так называемые элиты из грязи, всегда ведут себя, мягко говоря, бескультурно. В лихие девяностые писали о том, как охотились по вечерам за балеринами, забирая их после спектаклей, бритоголовые хозяева ельцинизма с явным дефицитом серого мозгового вещества.

Правда, если уж еще серьезнее коснуться кинофильма «Крепостная актриса», нельзя не отметить невежества создателей фильма. Невежества в изображении героев. На экране показана в уничижительной форме супруга И.П. Кутайсова. Там сцены ревности, истерика. А ведь эта женщина – мать знаменитого героя Отечественной войны, славного генерала Александра Ивановича Кутайсова, сложившего голову на Бородинском поле. Мало того, она – сестра знаменитого суворовского генерала-артиллериста Дмитрия Петровича Резвого, оставившего заметный, даже яркий след в истории развития этого рода войск, в тактике действий. И

еще раз повторю: мало того — она происходила из славного рода Резвых, выходцев из Осташкова. В конце восьмидесятых мой отец писатель Николай Шахмагонов именно это отметил в очерке «Павший на поле чести», посвященном генералу Кутайсову и вышедшем в популярном в ту пору сборнике «Прометей», издаваемом редакцией ЖЗЛ издательства «Молодая гвардия».

Какой же шум, какое негодование вызвало написанное в очерке: «Как видим, Александру Кутайсову, талантливому генералу и разносторонне одаренному человеку, дала жизнь русская женщина, происходившая из чисто русской семьи, корни которой уходят в исконно российские земли, в город Осташков, где берет начало великая русская река Волга. Именно из этой семьи, давшей потом России многих замечательных сыновей, вынес Александр все лучшее, что в нем было. Безусловно, не от отца, титулованного турка-брадобрея, он мог получить широту русской души, безудержную храбрость, замечательный военный талант...»

Разумеется, негодование так называемой либерально-демократической интеллигенции. Генрих Боровик даже по телевизору на популярной в ту пору передаче «Позиция» негодовал.

А между тем поведение трусливого брадобрея имеет прямое отношение к нашей теме.

Он был большим любителем служительниц Мельпомены. Особенно привечал танцовщиц... Стройность, точеные фи-

гуры... Но если крепостные оказывались у него на весьма униженном положении, то зарубежные танцовщицы превозносились всячески. У него даже была внебрачная дочь от актрисы Луизы Шевалье, урожденной Пуаро, шпионки Бонапарта. Брадобрей приобрел ей дома на набережной Невы в Петербурге и в Гатчине.

Шпионские дела этой балерины и любовницы Кутайсова в период царствования императора Павла Петровича терпели, во-первых, потому, что она была любовницей любимчика императора, а во-вторых, что может быть даже важнее, потому, что в конце своего царствования началось сближение России и Франции, кстати, послужившее одной из причин покушения.

Архитектор Н.В. Якимов в статье-повествовании «Усадьба Клодницких», опубликованной в Историческом журнале «Гатчина сквозь столетия», отметила, что Луиза «была не только влиятельной фавориткой Кутайсова, но и платной шпионкой Наполеона», и поведала, что уже на следующий день после убийства Павла I Петровича Александр I после некоторых колебаний – арестовать или выслать – все же выслал Луизу Шевалье из России, к большому огорчению Кутайсова. «Гнусный турок» был настолько влюблен в балерину-шпионку, что до конца дней своих носил медальон с ее изображением.

Кстати, в ночь убийства императора брадобрей вместо того, чтобы спасти своего благодетеля, что он мог легко сде-

лать, подняв шум во дворце, бежал к любовнице в одних носках и подштанниках. А затем, когда почувствовал, что отношение нового императора к нему резко изменилось, бросил семью и сбежал за границу. Его супруга Анна Петровна, урожденная Резвая, удалилась с младшими детьми – всего было шесть – в свое подмосковное имение Рождествено и вела там затворническую жизнь. Правда, Александр Кутайсов остался в службе.

В истории театральных трагедий известен и такой факт. Молодая французская танцовщица сбежала из гарема знаменитого хозяина Архангельского, Николая Борисовича Юсупова, чем очень опечалила старика. Сбежала, надо думать, не случайно. Юсупов, о котором везде говорится со знаком плюс, действительно принес много пользы России, даже Пушкин считал его другом – я имею в виду Николая Борисовича-старшего (1750–1831), поскольку внук его тоже был Николаем Борисовичем. Ну а что касается крепостных актрис... Так они для него были чем-то наподобие вещей. Правда, к одной из балерин отношение у него оказалось особым. Но пусть пока остается это маленькой загадкой. В соответствующем разделе расскажу, о ком из балерин идет речь...

Немало известно фактов, свидетельствующих о довольно трудном положении служительниц прекрасного искусства. Но есть и другие факты, свидетельствующие о том,

как жизнь служительниц Мельпомены постепенно выправлялась.

Более того, наш знаменитый поэт Денис Васильевич Давыдов (1784–1839) страдал от неразделенной любви к юной балерине Александре Ивановне Ивановой (1795–1855). Стихотворение, посвященное ей, строки из которого хочу привести, написано в 1814 году. То есть писал его уже закаленный в боях тридцатилетний гусарский полковник, можно сказать, без пяти минут генерал-майор – генеральское звание он получил спустя год. Во время своего довольно продолжительного отпуска, который проводил в Москве, он и влюбился в балерину Александру Иванову.

И какие слова вылились из сердца!

<...>

Я ваш! – и кто не воспылает!

Кому не пишется любовью приговор,

Как длинные она ресницы подымает

И пышет страстью взор!

Или вот...

О, вы, которые здесь прелестями гордитесь!

Не вам уж более покорствует любовь,

Взгляните на нее и сердцем содрогнитесь:

Она – владычица и смертных и богов!

Стихи, как видим, адресованы уже не бесправному существу. Балерина предстает перед нами как «владычица и смертных и богов».

А дальше – больше. В приведенном выше эпизоде мы видим влюбленного поэта-гусара. А вот теперь перед нами влюбленный генерал-губернатор Санкт-Петербурга генерал от инфантерии Михаил Андреевич Милорадович. Он влюблен в балерину Екатерину Александровну Телешеву. Она не из крепостных и даже не из разночинцев. Она из обедневшего дворянского рода. Но тем не менее профессия еще является препятствием для того, чтобы взять ее в жены. Впрочем, Милорадович был закоренелым холостяком, и, вполне возможно, именно это было основной причиной. Но внимание, которое он оказывал балерине Телешевой, выходило за рамки обычного.

Но и это не все. В Телешеву влюбился и знаменитый автор комедии в стихах «Горе от ума» Александр Сергеевич Грибоедов (1795–1829). Возник сложный любовный треугольник... И Милорадович, которого называли «храбрейшим из храбрых», и дерзкий, отважный поэт – люди горячие... О судьбе Екатерины Телешевой, о развязке страстей, рожденных треугольником, подробно рассказано в очерке, помещенном в книге.

Пока же о теме книги в общих чертах.

Страсти вокруг балерин нарастали год от года. Даже вспыхивали дуэли – дворяне, в том числе и титулованные, сходи-

лись на поединки из-за тех, кого еще недавно светское общество считало существами низшего сорта, хотя уж где-где, а в рядах так называемых элит низких особей более чем достаточно.

Прогремела на всю столицу «четверная дуэль», в которой участвовали кавалергардский штабс-ротмистр Василий Васильевич Шереметев, вызвавший на дуэль камер-юнкера графа Александра Петровича Завадовского. А после дуэли Шереметева и Завадовского должен был состояться поединок между секундантами. Секундантами же были Александр Сергеевич Грибоедов, друг Завадовского, и корнет Александр Иванович Якубович, друг Шереметева.

Вторая дуэль была отложена, поскольку первая завершилась смертельным ранением Шереметева.

Из-за кого же возникли столь яростные страсти? Опять же из-за балерины. Балерина Авдотья Ильинична Истомина была возлюбленной Шереметева. Тот приревновал ее к графу Шереметеву. Но об этом подробно в соответствующем очерке, помещенном в книгу.

Случались в судьбах балерин и счастливые развязки. Так, князь Павел Гаврилович Гагарин, представитель знаменитого рода, генерал-адъютант, вторым браком был женат в 1831 году на балерине Марии Ивановне Спиридоновой и имел от нее двух дочерей. Интересно, что первой женой Гагарина была Анна Петровна Лопухина (1777–1805), дочь генерал-прокурора, действительного тайного советника, свет-

лейшего князя П.В. Лопухина.

Общество не приняло второго брака Павла Гавриловича Гагарина, и он вместе с супругой удалился в свое имение.

Время шло. Общество постепенно начинало менять свое отношение к служительницам Мельпомены.

К примеру, почитатели балерин Марии Суровщиковой-Петипа и Марфы Муравьевой разделились на два лагеря, непримиримых между собой. Ну почти как ныне футбольные болельщики, правда, без нынешнего хамства и мордобоя. Но хамство и мордобой – ценности демократии. Куда ж от них теперь денешься! А то время было иным. Эпоха православного самодержавия. Даже члены императорской фамилии разделились на два условных лагеря в почитании талантливых балерин. Кстати, сами балерины сохраняли отличные отношения. Мария бывала на спектаклях Марфы и наоборот...

Что касается отношения к балеринам со стороны представителей правящей династии, то тут нужно сказать следующее. Если и случались романы у великих князей, то чаще всего с фрейлинами. Так появился на свет внебрачный сын великого князя Павла, впоследствии императора Павла I, которого называли Симеоном Афанасьевичем, а фамилию дали – Великий. Были романы с фрейлинами и у императора Александра I, и у будущего императора Александра II, и у его сыновей Александра Александровича, будущего императора Александра III, и у великого князя Алексея Александровича.

Но постепенно и великие князья, презрев мнение света, стали ухаживать за балеринами. Одним из первых проторил эту дорожку великий князь Николай Николаевич Старший (1831–1891), третий сын императора Николая I и императрицы Александры Федоровны. Он был влюблен в балерину Екатерину Числову. И не просто влюблен. В результате этой связи балерина родила ему двух сыновей и двух дочерей. Об этом романе рассказано на последующих страницах книги.

Великий князь Дмитрий Павлович, презрев мнение света, открыто жил с балериной Верой Алексеевной Каралли, мало того, сделал ее соучастницей убийства Григория Распутина. В дальнейшем память об этом преступлении стала преградой для их отношений.

Но, наверное, самая грандиозная, самая значительная история – это история любви цесаревича Николая Александровича, будущего императора Николая II, и балерины Матильды Кшесинской. Об этой любви я рассказала в книге «Матильда Кшесинская и любовные драмы русских балерин», недавно вышедшей в серии «Любовные драмы». Но в последнее время появилось в печати столько новых безобразных выдумок, чуть ли не о браке свергнутого государя с Кшесинской в апреле 1917-го и о скрывающихся на Западе наследниках, что стоит и в этой книге поговорить о звезде русского балета, поведение которой по отношению к царю и к его памяти заслуживает уважения.

Любовные отношения цесаревича и юной балерины не

имели перспектив. По заведенному с петровских времен порядку наследники российского престола да и великие князья обязаны были выбирать себе в невесты западноевропейских принцесс. Из-за этого порядка некоторые наследники престола, как, к примеру, сын императора Александра II, Александр Александрович, ставший цесаревичем после внезапной смерти своего старшего брата Николая, заявлял о желании отказаться от престола, чтобы жениться по любви. Но это не избавляло его от необходимости прервать отношения с возлюбленной им княжной Марией Элимовной Мещерской, фрейлиной императрицы Марии Александровны, супруги Александра II.

Тут нужно заметить, что предметами первых увлечений Александра II, в бытность цесаревичем, были фрейлины. Во фрейлину влюбился и его сын, будущий император Александр III, а вот сын Александра III – Николай Александрович – уже был влюблен в балерину.

Роман был прерван сразу после помолвки цесаревича Николая Александровича с его будущей супругой Александрой Федоровной. Но за Матильдой Кшесинской самым серьезным образом ухаживал великий князь Сергей Михайлович, а вскоре она познакомилась с великим князем Андреем Владимировичем, связь с которым принесла сына и выдержала испытание временем. Ни о каком оформлении отношений в императорской России не могло быть и речи. Но в эмиграции бракосочетание состоялось, и Матильда Феликсовна

стала светлейшей княгиней Романовской-Красинской.

За знаменитой балериной Анной Павловой тоже пытались ухаживать один из великих князей, Борис Владимирович, внук императора Александра II и брат возлюбленного самой Кшесинской великого князя Андрея Владимировича.

Таким образом, менялись времена, менялись и нравы. Балерины превратились из существ, к которым высший свет относился как к людям второго сорта, в звезд Мельпомены, заводить романы с которыми и даже в определенных обстоятельствах вступать в браки уже не считалось столь предосудительным, как ранее.

И все же на протяжении всего этого эволюционного пути наиболее яркие представительницы волшебного сообщества артисток балета немного имели радостей и счастья. Их любовные отношения, с кем бы они ни складывались, приводили к трагедиям и драмам, порой жестоким и нелегко переносимым.

О судьбах звезд русского балета, об их любовных драмах — эта книга.

«Четверная дуэль» из-за балерины. Авдотья Истомина (1799–1848)

Драмы русской Терпсихоры

Разборка между возлюбленными – теперь бы их назвали проще: сожителями – была короткой. Штаб-ротмистр кавалергардского полка Василий Шереметев приставил пистолет к голове балерины Авдотьи Истоминой, беглянке, возвратившейся к нему из путешествия на пару дней в дом графа Завадовского, и устрашающе заявил:

– Говори правду или не встанешь с места. Даю тебе на этот раз слово. Ты будешь на кладбище, а я в Сибири. Очень хорошо знаю, да что же. Была близка с Завадовским или нет?

В такой ситуации слабая женщина могла признаться во всех грехах, даже в тех, которые не совершала. И признанием своим Истомина открыла путь к трагедии, коснувшейся в первую очередь самого разбушевавшегося кавалергарда...

Кто же она, эта женщина, из-за которой произошла прогневшая в ту пору на всю столицу дуэль?

В первой главе романа «Евгений Онегин» Александр Сергеевич Пушкин посвятил Авдотье Истоминой такие пламенные строки...

Блистательна, полувоздушна,
Смычку волшебному послушна,
Толпою нимф окружена,
Стоит Истомина. Она,
Одной ногой касаясь пола,
Другую медленно кружит,
И вдруг прыжок, и вдруг летит,
Летит, как пух от уст Эола,
То стан совет, то разовьет,
И быстрой ножкой ножку бьет.

Пушкин назвал Истому «Русской Терпсихорой».

Терпсихора в древнегреческой мифологии являлась музой танца. Она со временем стала определенным символом в искусстве. Древнегреческий историк и мифолог Диодор Сицилийский писал, что это имя произошло от понятия – наслаждение (терпейн), которое получали зрители от созерцания танца. В мифологии Терпсихора – дочь бога неба, грома и молний Зевса, ведающего всем миром, и Мнемозины, богини, олицетворявшей память, Матери Муз – Евтерпы, Клио, Талии, Мельпомены и Терпсихоры.

А.С. Пушкин. Художник В.А. Тропинин

Терпсихора – покровительница танцев и хорового пения. Она изображается в виде молодой женщины с венком на голове и улыбкой на лице, держащей в одной руке лиру, а в другой плектр (медиатор – приспособление для музыкальных инструментов). Плектр – это костяная, пластмассовая или металлическая пластинка...

Не случайно Пушкин столь высоко отметил танцовщицу. Она действительно была непревзойденной на сцене того времени, когда юный поэт вышел из лицея.

Театральная жизнь Петербурга бурлила, и юный Пушкин, которому едва исполнилось восемнадцать лет, с удовольствием окунулся в нее.

Пушкинист Леонид Петрович Гроссман (1888–1965) в работе «Пушкин в театральных креслах» писал:

«Кулисы, уборные актрис, даже классы театральных воспитанниц – весь этот мир юных, красивых, грациозных и радостных женщин был постоянным источником любовных приключений. Вокруг театра разворачивалась особая праздничная жизнь, насыщенная эротикой и окрашенная отважным авантюризмом. Поединки, похищения, необычайные свидания, подкупы прислуги, даже переодевания – все это сообщало любовным нравам эпохи какой-то полуфантастический и часто поистине театральный характер».

Что ж... Поединки, как мы видели, тоже присутствовали в жизни Авдотьи Истоминой, поединки именно из-за нее,

причем довольно жесткие. Они остались в истории как «дуэль четырех». Но об этом со всеми подробностями далее...

А пока шел 1819 год. 27 октября Александр Сергеевич писал своему приятелю, офицеру легкоконного полка Павлу Борисовичу Мансурову (1791–1880):

«Каждое утро крылатая дева летит на репетицию мимо окон нашего Никиты, по-прежнему поднимаются на нее телескопы и... – но увы... ты не видишь ее, она не видит тебя. Оставим элегию, мой друг. Исторически буду говорить тебе о наших. Все идет по-прежнему; шампанское, слава богу, здорово – актрисы также – то пьется, а те... – аминь, аминь. Так и должно... Всеволожский Н. играет; мел столбом! деньги сыплются! Сосницкая и кн. Шаховской толстеют и глупеют – а я в них не влюблен – однако ж его вызывал за его дурную комедию, а ее за посредственную игру».

Кстати, упомянутый в письме Никита Всеволодович Всеволожский (1799–1862), сочинитель водевилей и страстный театрал, ухаживал за юной и талантливой балериной Авдотьей Овошниковой (1804–1846) и даже имел от нее внебрачного сына Ираклия Никитича Никитина, родившегося в 1823 году. Пушкин в ту пору уже был в командировке на юге, часто оплошно именуемой южной ссылкой. Но для Всеволожского это была лишь обычная связь. Вскоре он женился на княжне В.П. Хованской.

Ну а у Павла Мансурова был роман с другой балериной, еще более юной, Марией Крыловой (1804–1834).

Острый на язык Пушкин не пощадил, однако, и свою возлюбленную. Впрочем, в те годы влюбленность его была безответной.

Эпиграмма весьма дерзка:

Орлов с Истоминой в постели
В убогой наготе лежал.
Не отличался в жарком деле
Непостоянный генерал.
Не думав милого обидеть,
Взяла Лаиса микроскоп
И говорит: «Позволь увидеть...»

Не будем далее цитировать – речь идет о мужских достоинствах.

Алексей Федорович Орлов (1787–1862) был братом знаменитого декабриста Михаила Федоровича Орлова, женатого на Екатерине Николаевне Раевской. Впоследствии он дослужился до высоких чинов. Стал генералом от кавалерии, генерал-адъютантом, а в 1856-м получил княжеский титул.

Но это впоследствии. А в ту пору он хоть и был старше Пушкина на 12 лет, но страсти играли в нем вполне юношеские. Возможно, Пушкину было несколько обидно, что через такого уже, по понятиям восемнадцатилетнего юнца, старика не пробиться к сердцу Истоминой.

Известно, что такие вот эпиграммы, да и просто дерзкие шутки Пушкина, нередко приводили к дуэлям, но в данном

случае А.Ф. Орлов не обратил внимания на эпиграмму.
Пушкин же посвятил ему стихи иного содержания.

О, ты, который сочетал
С душою пылкой, откровенной
(Хотя и русский генерал)
Любезность, разум просвещенный...

Да и что там было делить? Успех? Был ли он? В Авдотью Истомину влюблялись многие приятели или просто знакомцы Пушкина. Он писал об этом в 1820 году в статье «Мои замечания об русском театре»:

«Публика образует драматические таланты. Что такое наша публика?

Пред началом оперы, трагедии, балета молодой человек гуляет по всем десяти рядам кресел, ходит по всем ногам, разговаривает со всеми знакомыми и незнакомыми. “Откуда ты?” – “От Семеновой, от Сосницкой, от Колесовой, от Истоминой”. – “Как ты счастлив!” – “Сегодня она поет – она играет, она танцует – похлопаем ей – вызовем ее! она так мила! у ней такие глаза! такая ножка! такой талант!..” – Занавес подымается. Молодой человек, его приятели, переходя с места на место, восхищаются и хлопают. Не хочу здесь обвинять пылкую, ветреную молодость, знаю, что она требует снисходительности. Но можно ли полагаться на мнения таковых судей?

Часто певец или певица, заслужившие любовь нашей пуб-

лики, фальшиво дотягивают арию Боэльде или della Maria. Знатоки примечают, любители чувствуют, они молчат из уважения к таланту. Прочие хлопают из доверенности и кричат форо из приличия.

Трагический актер заревет громче, сильнее обыкновенного; оглушенный раек приходит в исступление, театр трещит от рукоплесканий.

Актриса... Но довольно будет, если скажу, что невозможно ценить таланты наших актеров по шумным одобрениям нашей публики.

Еще замечание. Значительная часть нашего партера (то есть кресел) слишком занята судьбою Европы и Отечества, слишком утомлена трудами, слишком глубокомысленна, слишком важна, слишком осторожна в изъяснении душевных движений, дабы принимать какое-нибудь участие в достоинстве драматического искусства (к тому же русского). И если в половине седьмого часу одни и те же лица являются из казарм и совета занять первые ряды абонированных кресел, то это более для них условный этикет, нежели приятное отдохновение. Ни в каком случае невозможно требовать от холодной их рассеянности здравых понятий и суждений, и того менее – движения какого-нибудь чувства. Следовательно, они служат только почтенным украшением Большого каменного театра, но вовсе не принадлежат ни к толпе любителей, ни к числу просвещенных или пристрастных судей».

Но все-таки, кто же эта балерина, столь очаровавшая мно-

гих?

Пройдут годы, и другая выдающаяся русская балерина Тамара Карсавина напишет о ней в своих мемуарах, названных «Театральная улица»:

«Поход в большой репетиционный зал на лекцию дал мне возможность рассмотреть старые гравюры, в огромном количестве висевшие на стенах. Перед портретом Истоминой я застыла в восхищении. Благодаря строкам Пушкина, которые я знала наизусть: “И вдруг прыжок, и вдруг летит, Летит, как пух от уст Эола...” – я уже давно лелеяла в сердце своем романтический образ “блистательной, полувоздушной” Истоминой. Гладкая красивая головка в венке из роз и кувшинок, мечтательный взгляд, полуленивая, полупренебрежительная улыбка словно облекли в плоть и кровь доселе неуловимый для меня образ».

«Мимический дар и... завершенность танца...»

Ее ранняя биография малоизвестна и полна темных пятен. Точно известно лишь время рождения – 6 января 1799 года. Она была на 5 месяцев старше Пушкина.

А вот каким образом она оказалась в Петербургской балетной школе, существует следующее предание. В Циклопедии говорится:

«Авдотья Истомина была дочерью спившегося полицейского пристава Ильи Истомина и его жены Анисьи. В шесть лет осталась круглой сиротой. По счастью, попала в императорское театральное училище, куда брали детей на полный пансион, обучая их театральному ремеслу. Широким общим образованием театральная школа не могла похвастаться. Профессия артистов в начале XIX столетия не считалась престижной, и в училище приводили детей, как правило, из низших сословий и из бедной среды. Педагогом юной Авдотьи поначалу была русская балерина Екатерина Сазонова, затем, в старших классах, – Шарль-Луи Дидло, талантливый балетмейстер и педагог, сыгравший огромнейшую роль в истории развития русского балета, но при этом своенравный и жестокий. Его учеников не раз приходилось брать под свою защиту инспектору училища Сергею Ефимовичу Рахманову. Впрочем, жестокостью нравов Россию с ее крепостным пра-

вом было не удивить.

Истомина, как и все остальные учащиеся, стала выходить на сцену рано, еще ребенком: в 9 лет она участвовала в постановке Дидло “Зефир и Флора” на сцене Большого Каменного театра. Вместе с другими детьми, своими сверстниками и соучениками, она изображала свиту Флоры – покровительницы всего растительного мира».

Петербургскую театральную школу Авдотья Истомина окончила в 1815 году. Ее сразу зачислили в петербургскую труппу императорских театров. Страна оживала после Наполеоновских войн, войска возвращались из заграничного похода. Оживали и театры. И в эту пору возвращения в жизнь общества театра, так хорошо описанную Пушкиным, Истомина начала свою карьеру с дебюта в балете «Ацис и Галатея», поставленном Шарлем Дидло (1767–1837), танцовщиком, хореографом и балетным педагогом. Шарль Дидло – ее учитель. Это помогло сразу же занять ведущее место в группе. Хотя, конечно, Истомина действительно выгодно отличалась от других танцовщиц. Талант виден сразу.

Балетовед и историк балета Вера Михайловна Красовская (1915–1999) писала об Истоминой:

«Мимический дар и техническая завершенность танца, эти идеальные для танцовщицы качества, естественно сочетались в ней».

Истомина была очень красива.

Пимен Николаевич Арапов (1796–1861), драматический

писатель, журналист и первый историограф русского театра, так описал внешность балерины: «Она была среднего роста, очень красива, стройна, с темными роскошными волосами и черными блестящими глазами, длинными густыми ресницами, придающими ее физиономии особый характер. У нее были мускулистые, сильные ноги, движения ее были легки и грациозны».

За округлость форм «ее сравнивали с богиней плодов Помоной».

Авдотья Истомина. Художник А.Ф. Винтергальтер

Вот эта самая округлость форм в зрелые годы сыграла с

ней злую шутку, но в юности она не только не портила фигуру, но делала еще более привлекательной.

Дуэль четверых

В 1817 году Истомина оказалась в центре скандала, прогремевшего на весь Петербург. Его называли «дуэлью четверых» или «четверной дуэлью».

Озорная, общительная, остроумная Авдотья Истомина, казалось, подавала надежды многим кавалерам. Так ли было это? Или являлось только игрой?

В 1817 году у Истоминой начался роман с кавалергардом Василием Шереметевым. Но стоило ей переехать к нему на жительство, приключения вокруг нее завертелись и закрутились с еще большей силой. Многим ухажерам не понравилось оказанное ею предпочтение кавалергарду. Особенно всполошился камер-юнкер граф Александр Петрович Завадовский. Он уже положил глаз на балерину, и вдруг такой пассаж. Она вроде бы как и не замужем, но если не за мужем, то за любовником спряталась ото всех.

Повреждение нравов в России уже произошло стараниями возвратившейся из зарубежной поездки некоей особы, отдаленно напоминающей царя Петра Алексеевича, заточенного, как теперь уже доказано, в Бастилию. Это повреждение навязывалось в течение восемнадцатого века, продолжилось и в начале века девятнадцатого. Ну а потому никто и ничего не видел предосудительного в том, что балерина Авдотья Истомина перебралась на жительство к кавалергарду Васи-

лию Шереметеву (1794–1817).

Некоторые биографы скромно пишут: мол, она жила у него на квартире. Но шила в мешке не утаишь. Хороша квартирантка.

Так вот эта «квартирантка», даже переехав к своему возлюбленному, возможно, всего лишь временно возлюбленному, весьма соблазнительно вела себя и с другими. Разумеется, из-за этого происходили между любовниками ссоры и разборки. А однажды ссора разгорелась не на шутку.

Истомина даже подумывала, а не покинуть ли Шереметева. Слишком груб он оказался.

Наконец, она приняла решение некоторое время пожить у подруги, чтобы с Шереметева страсти улеглись.

Решение принято, но... вмешался его величество случай. Когда Истомина уже собиралась отправиться к подруге, к ней в примерную зашел Александр Сергеевич Грибоедов, во все не ее поклонник, но почитатель таланта, восхищенный игрой в тот вечер, и, что немаловажно, друг ее вздыхателя графа Завадовского.

Истомина сообщила о своем решении ехать к подруге. На это Грибоедов сказал, что приглашает ее к себе в гости, как он выразился, «на чай».

Дмитрий Александрович Смирнов (1819–1866), мемуарист, литературный критик и литературовед, посвятивший свое творчество изучению наследия А.С. Грибоедова, так описал события, связанные с «дуэлью четырех», услышан-

ную от современника того события, члена грибоедовского кружка Андрея Андреевича Жандра:

«Шереметев, шалун, повеса, но человек с отлично-добрым и благородным сердцем, любил Истомину со всем безумием страсти, а стало быть, и с ревностью. И в самом деле она была хорошенькая, а в театре, на сцене, в танцах, с грациозными и сладострастными движениями – просто прелесть!.. Шереметев с ней ссорился часто и, поссорившись перед роковой для него дуэлью, уехал от нее. Надо заметить, что скорее он жил у нее, чем она у него. Истомина, как первая танцовщица, получала большие деньги и жила хорошо... Грибоедов, который в то время жил вместе с графом Завадовским, бывал у них очень часто как друг, как близкий знакомый. Завадовский имел, кажется, прежде вид на Истому, но должен был уступить счастливому сопернику... Поссорившись, Шереметев, как человек страшно влюбленный, следил, наблюдал за Истоминой; она это очень хорошо знала.

Не знаю уж почему, во время этой ссоры Грибоедову вздумалось пригласить к себе Истому после театра пить чай. Та согласилась, но, зная, что Шереметев за ней подсматривает, и не желая вводить его в искушение и лишний гнев, сказала Грибоедову, что не поедет с ним вместе из театра прямо, а назначила ему место, где с ним сейчас же после спектакля встретится, – первую, так называемую Суконную линию Гостиного двора, на этот раз, разумеется, совершенно пустынную, потому что дело было ночью. Так все и сделалось: она

вышла из театральной кареты против самого Гостиного двора, встретилась с Грибоедовым и уехала к нему.

Шереметев, наблюдавший издалека, все это видел. Следуя за саями Грибоедова, он вполне убедился, что Истомина приехала с кем-то в квартиру Завадовского. После он очень просто, через людей, мог узнать, что этот кто-то был Грибоедов. Понятно, что все это происшествие взбесило Шереметева, он бросился к своему приятелю Якубовичу с вопросом: что тут делать?

“Что делать, – ответил тот, – очень понятно: драться, разумеется, надо, но теперь главный вопрос состоит в том: как и с кем? Истомина твоя была у Завадовского – это раз, но привез ее туда Грибоедов – это два, стало быть, тут два лица, требующих пули, а из этого выходит, что для того, чтобы никому не было обидно, мы при сей верной оказии составим *une partie carrée* (увеселительную прогулку вчетвером) – ты стреляйся с Грибоедовым, а на себя возьму Завадовского”.

– Да помилуйте, – прервал я Жандра, – ведь Якубович не имел по этому делу решительно никаких отношений к Завадовскому. За что же ему было с ним стреляться?..

– Никаких. Да уж таков человек был. Поэтому-то я вам и сказал, и употребил это выражение: “при сей верной оказии”. По его понятиям, с его точки зрения на вещи, тут было два лица, которых следовало наградить пулей, – как же ему было не вступиться? Поехали они к Грибоедову и к Завадовскому объясняться. Шереметев Грибоедова вызвал. “Нет, братец, –

отвечал Грибоедов, — я с тобой стреляться не буду, потому что, право, не за что, а вот если угодно Александру Ивановичу (т. е. Якубовичу), то я к его услугам”. Une partie carrée устроилась.

Шереметев должен был стреляться с Завадовским, а Грибоедов с Якубовичем. Барьер был назначен на 18 шагов, с тем чтобы противникам пройти по 6 и тогда стрелять. Первая очередь была первых лиц, то есть Шереметева и Завадовского.

Я забыл сказать, что в течение всего этого времени Шереметев успел помириться с Истоминой и как остался с ней с глазу на глаз, то вдруг вынул из кармана пистолет и, представивши его прямо ко лбу, говорит: “Говори правду или не встанешь с места, — даю тебе на этот раз слово. Ты будешь на кладбище, а я в Сибири, — очень хорошо знаю, да что же. Была близка с Завадовским или нет?” Та, со страху или в самом деле вправду, но, кажется, сказала, что была. После этого понятно, что вся злоба Шереметева обратилась уже не на Грибоедова, а на Завадовского, и это-то его и погубило.

Когда они с крайних пределов барьера стали сходитьсь на ближайшие, Завадовский, который был отличный стрелок, шел тихо и совершенно спокойно. Хладнокровие ли Завадовского взбесило Шереметева или просто чувство злобы пересилило в нем рассудок, но только он, что называется, не выдержал и выстрелил в Завадовского еще не дошедши до барьера. Пуля пролетела около Завадовского близко, потому

что оторвала часть воротника у сюртука, у самой шеи... Тогда уже, и это очень понятно, разозлился Завадовский. “Il en voulait a ma vie, – сказал он, – a la barriere! (соблаговолите к барьеру)”. Делать было нечего, – Шереметев подошел, Завадовский выстрелил. Удар был смертельный – он ранил Шереметева в живот. Шереметев несколько раз подпрыгнул на месте, потом упал и стал кататься по снегу...»

Это случилось 12 ноября 1817 года...

Ну что ж, одна дуэль состоялась. Грибоедов предложил Якубовичу продолжить дело. Александр Иванович Якубович (1792–1845), в то время корнет, а впоследствии декабрист, был одним из четырех участников «четвертной дуэли».

Но как стреляться, если друг Якубовича Шереметев лежал на животе и кровь обагрила снег вокруг него.

Дмитрий Александрович Смирнов так писал о необходимости отложить дуэль:

А.С. Грибоедов. Художник В. Мошков

«Якубович, указывая на Шереметева, обратился к Грибоедову с изъяснением того, что в эту минуту им, конечно, невозможно стреляться, потому что он должен отвезти Ше-

реметева домой... Они отложили свою дуэль до первой возможности...»

Итак, первый этап четвертной дуэли состоялся 12 ноября 1817 года. А что же дальше?

Слухов о дуэли было много. По одному из них, после меткого выстрела Завадовского Якубович, раздраженный ранением друга, пока еще неясно каким по тяжести, выстрелил в Завадовского и прострелил ему шляпу.

А потом, договорившись с Грибоедовым об отсрочке дуэли, повез своего друга Шереметева на квартиру, где тот умер 14 ноября, то есть мучился почти двое суток. Ведь выстрел в живот часто не приводил к немедленной смерти. Другое дело – выстрел в сердце.

И тем не менее отец погибшего не винил в гибели сына Завадовского. Он уже и так имел конфликт с сыном из-за увлечения балериной. Как это можно! Дворянин, кавалергард и балерина! Было ведь начало – ну, допустим, первая четверть – девятнадцатого века.

Зная о том, что идет следствие, что Завадовский и Якубович арестованы, отец Шереметева добился приема у императора Александра I и просил не подвергать суровому наказанию Завадовского. В результате следствие признало, что убийство было совершено «в необходимости законной обороны».

Граф Завадовский был выслан за границу. Ну а Якубович сослан на Кавказ в действующую армию.

Грибоедову удалось избежать наказания. Управляющий Министерством иностранных дел России Петр Яковлевич Убри (1774—1847) получил докладную с указанием на то, что Грибоедов совершенно ни при чем:

«Милостивый государь Петр Яковлевич!

Возложенную вашим превосходительством обязанность быть депутатом по делу о бывшей дуэли между графом Завадовским и штаб-ротмистром Шереметевым, со стороны чиновника государственной Коллегии иностранных дел г-на Грибоедова, я принял; и вчерашний день следствие сего дела кончено и утверждено находящимися под следствием, так и депутатами со стороны каждого, о чем и поставляю долгом донести вашему превосходительству, какие объяснения были требованы от г-на Грибоедова по сему делу, а именно: что г-н Грибоедов был коротко знаком с штаб-ротмистром Шереметевым и жившею у него танцовщицею Истоминою. После учинившейся между Шереметевым и сею Истоминою ссоры, когда она уже выехала от него в другой дом, тогда Грибоедов, будучи в театре, пригласил Истомину ехать с собою в карете, чтобы узнать подробнее, за что она поссорилась с Шереметевым, которая на то охотно согласилась, и он привез ее в дом, где он жил вместе с Завадовским. В тот же вечер приехал по окончании спектакля домой и граф Завадовский, который и нашел его с Истоминою; после сего все они трое провели вечер вместе, а потом Истомина отправилась к себе. После сего граф Завадовский был вызван на ду-

эль Шереметевым, последствия коего ему, Грибоедову, были неизвестны. И сим заключены были показания г-ном Грибоедовым. 20 ноября 1818 г. А. Ахлопков».

Конечно, Истомина оказалась в ужаснейших обстоятельствах. Погиб ее — ну, как бы сказать, сожитель, или, как теперь говорят, гражданский муж. В любом случае человек близкий, хотя и, судя по документам, сложный в жизни, хоть отдаленно, но напоминающей семейную.

Трудно было отвечать на вопросы следователя, но отвечать приходилось. Сохранилось содержание этих ответов в пересказе исследователей и биографов, из которых видно: Истомина рассказала о встрече с Грибоедовым и поездке с ним на квартиру Завадовскому. Причем показала она и то, что «ведомства Госуд. Коллегии Ин. дел губ. секр. Грибоедов, часто бывший у них по дружбе с Шереметевым и знавший о ссоре ее с ним, позвал ее с собою ехать к служащему при театральной дирекции д. ст. сов. кн. Шаховскому, к ко-ему по благосклонности его нередко езжала, но, вместо того, завез ее на квартиру Завадовского, но не сказывая, что его квартира, куда вскоре приехал и Завадовский, где он, по прошествии некоторого времени, предлагал ей о любви, но в шутку или в самом деле, того не знает, но согласия ему на то объявлено не было, с коими посидевши несколько времени, была отвезена Грибоедовым на свою квартиру».

Грибоедов же показывал, что «пригласил ехать единственно для того только, чтоб узнать подробнее, как и за что

она поссорилась с Шереметевым, и как он жил до сего времени за неделю на квартире гр. Завадовского, то и завез на оную, куда приехал и Завадовский, но объяснялся ль он ей в любви, не помнит, но после отвез в ее квартиру».

Словом, каждый из опрошенных представлял дело по-своему.

Завадовский заявил, что он «ее в театре, на лестнице лично приглашал к себе, когда она оставит Шереметева, побывать в гостях у него, но с кем она приехала к нему, не знает и о любви, может быть, в шутках говорил и делал разные предложения», но на очной ставке с Грибоедовым он взял назад свое показание и заявил, что он «ошибся, принявши визит Истоминой на свой счет».

Истомина же призналась, что, собираясь ехать с Грибоедовым, опасалась слежки со стороны Шереметева и потому «попросила ждать ее с санями у Гостиного двора». К месту встречи она добралась на театральной карете.

Следствие велось серьезно, ведь дуэли были запрещены. За нарушение этого запрета полагалась смертная казнь через повешение, хотя, конечно, до такого исхода дело редко доходило, если не сказать, что не доходило и вовсе никогда.

Шереметев, безусловно, любил Истомину, и разрыв с ней был для него слишком тяжел. К дуэли привели именно чувства ревности и оскорбленного самолюбия. В таких обстоятельствах люди, подобные Шереметеву, мечутся, переживают, ищут выход, пытаются вернуть любой ценой предмет

обожания, а вернув, начинают мучать этот предмет, ибо ревность застилает глаза и заставляет помутиться разум.

Шереметев то кипел, то просил прощения у своей возлюбленной и умолял ее вернуться.

Истомина боялась возвращаться. Она заявляла, что собирается «ехать к князю Шаховскому». С большим трудом, путем обмана Шереметев все же привез к себе беглянку. И вот тут начались сцены, достойные мелодрамы. Шереметев, уговаривая Истомину остаться, грозил в противном случае застрелиться, если она уедет.

Истомина, как она показала на следствии, согласилась остаться, уверившись «в таком чистосердечном раскаянии и не желая довести до отчаяния».

Но Шереметев не удовлетворился этим. Теперь в нем заиграли ревность и оскорбленное самолюбие. К тому же он хотел знать всю правду о том, до каких пределов дошли отношения с Заводовским.

Он мучил Истомину допросами несколько дней. А не добившись верных ответов, на его взгляд, верных, пригрозил ее застрелить и даже приставил к виску пистолет. Истомина поняла, что, если она станет отрицать связь с Заводовским, Шереметев выстрелит. Ну и сказала то, что он в таком экзальтированном состоянии хотел услышать.

Сам создал условия, которые можно было разрешить лишь поединком. И он собрался послать вызов Заводовскому.

Якубович пытался завести следствие в тупик и, желая скрыть, что причиной дуэли стала балерина – это по тем временам не совсем здорово, – пытался выдумать иную, более приличествующую дворянину причину. Однако ничего путного придумать не мог и заявил, что причина тайная и он обещал хранить тайну.

От очной ставки с Завадовским Шереметев отказался, заявив, что не желает видеть убийцу своего друга, а тем более говорить с ним.

Следствие так и не выяснило твердо и окончательно всех обстоятельств дуэли. Противники-то были из одного класса, из одного общества, а потому и Завадовский, и Якубович старались, уж коли сами влипли в историю, по крайней мере выгородить Грибоедова.

Дуэль, дуэль! Как легко произносились эти слова, как легко посылались вызовы на поединки! Но каждая смерть на дуэли оставляла гнетущее впечатление на секундантов. Грибоедов признавался своим приятелям в том, что на него «нашла тоска», что перед глазами постоянно видит смертельно раненного Шереметева и стремится покинуть столицу, чтобы хоть как-то уменьшить впечатления от случившегося.

Александр Сергеевич Пушкин так пояснил это желание своего двойного тезки:

«Жизнь Грибоедова была затемнена некоторыми облаками: следствие пылких страстей и могучих обстоятельств. Он почувствовал необходимость расчесться единожды навсегда

с своею молодостию и круто поворотить свою жизнь. Он простился с Петербургом и уехал в Грузию, где пробыл восемь лет в уединенных, неусыпных занятиях. Возвращение его в Москву в 1824 году было переворотом в его судьбе и началом непрерывных успехов. Его рукописная комедия произвела неописанное действие и вдруг поставила его наряду с первыми нашими поэтами».

А в романе «Евгений Онегин» появились такие строки:

Им овладело беспокойство,
Охота к перемене мест
(Весьма мучительное свойство,
Немногих добровольный крест).
Оставил он свое селенье,
Лесов и нив уединенье,
Где окровавленная тень
Ему являлась каждый день...

Эти строки навеяны тем, что испытал Грибоедов, которому являлась окровавленная тень Шереметева.

Судьба Истоминой

Но что же Истомина? Для нее смерть возлюбленного явилась страшным ударом. Да, она вела себя порою вольно, да, она иногда стремилась вызвать в нем ревность, но... она любила его, насколько сильно, известно ей одной. Кто она? Даже не жена. В свои 18 лет она осталась – нет, не вдовой, она осталась одна, среди сонма поклонников, и с невероятным шлейфом пересудов, касающихся дуэли, в которой она сама винила себя.

Напомним... Даже отец ее погибшего возлюбленного совершил поступок, кому-то, быть может, не совсем понятный. Он просил государя не наказывать строго и убийцу его сына, и секундантов, поскольку сын дрался – страшно сказать – за какую-то простолюдинку, девуцу низшего сословия. Сценическая слава не давала никаких сословных преимуществ.

Она не видела сочувствия среди окружающих, среди коллег и тем более среди руководства. Впереди были новые работы на сцене, и нужно было сжать в кулак свое горе, чтобы по-прежнему блистать перед зрителями, которые посудили-порядили, да и забыли о дуэли: им важнее было «терпейн» – наслаждение от игры балерины.

А наслаждаться было чем. На Западе, как всегда, выдумывают свое первенство то в одном, то в другом событии. Так, выдумали, будто итальянка Мария Тальони на лондонской

сцене впервые вставала на пуанты в 1830 году.

Что такое встать на пуанты? Это фактически встать на носок! Первой в России и во всем мире это сделала на сцене Авдотья Ильинична Истомина несколькими годами раньше, совершив революцию в балете.

А уже в 1818 году балерину ждали новые роли. Жесткий и суровый учитель Шарль Дидло начал реанимировать свой любимый балетный спектакль «Зефир и Флора», в котором Истомина участвовала и раньше, но не на первых ролях. И вот теперь настало ее время сыграть заглавную партию прекрасной Флоры.

Может быть, горе обострило все чувства, желания, стремления, может, оно заставило сжать в кулак нервы, укрепить волю к победе, но первый успех в роли Флоры стал прологом новых успехов. Замелькали на афишах названия новых балетных спектаклей – «Африканский лев», «Калиф Багдада», «Евтимий и Евхариса», «Дезертир», «Лиза и Колен», «Кора и Алонзо, или Дева Солнца», «Роланд и Моргана» и многие другие.

В начале 1823 года ей посчастливилось играть партию Черкешенки в спектакле, написанном по мотивам поэмы Александра Сергеевича Пушкина «Кавказский пленник».

Пушкин узнал об успехе спектакля и любезной ему балерины в Кишиневе, где находился в командировке по линии Коллегии иностранных дел, официально выдаваемой за ссылку. В письме от 30 января 1823 года он просил брата

Льва Сергеевича:

«Пиши мне о Дидло, об Черкешенке Истоминой, за которой я когда-то волочился, подобно Кавказскому пленнику».

Что касается участников «четверной дуэли», которая к тому времени не состоялась еще как четверная, то наказания были весьма и весьма незначительные по тем временам, когда поединки, по существу, приравнивались к преступлениям. Александр Якубович был сослан на Кавказ, где проявил себя отважным воином и был отмечен самим Алексеем Петровичем Ермоловым, камер-юнкера графа Александра Петровича Завадовского выслали из России, и он уехал в Лондон, ну а Александр Сергеевич Грибоедов наказания избежал и сам уехал на Кавказ, не в силах, как уже говорилось выше, находиться в столице, где его мучили воспоминания о жестоком убийстве Шереметева.

Убийстве? Да, в обществе сочли содеянное Завадовским именно хладнокровным и расчетливым убийством. Он стрелял, когда противник уже сделал свой выстрел, стрелял спокойно, с короткой дистанции и, по мнению знатоков дуэли, уж если решил убить противника – в этом праве ему никто не отказывал, на то и дуэль – мог убить его наповал выстрелом в сердце – в голову стрелять было не принято, – он же нанес смертельную рану, в результате которой Шереметев уходил из жизни с большими мучениями и при полном сознании. То есть на таком коротком расстоянии у стрелка выбор был...

Точно такой же жестокий выстрел произвел слывший мет-

ким стрелком и Дантес, правда, существует мнение, что он нанес смертельное ранение. Торопился, несмотря на то что был одет в кирасу – были такие бронированные защиты у кирасир, – боялся выстрела Пушкина, слывшего метким стрелком, ну и поспешил. А остальное довершили врачи...

Впрочем, до поединка Пушкина с омерзительным французским франтом оставалось еще двадцать лет... ведь четвертая дуэль была в ноябре 1817 года, а убийство Пушкина одетым в пуленепробиваемую кирасу Дантесом произошло в январе 1838 года.

Продолжение четверной дуэли

Но ведь дуэль получила название четверной. Стрелялись же двое – Завадовский и Шереметев. Произошел и второй поединок – между Грибоедовым и Якубовичем, который не был вовсе отменен, а лишь отложен. Состоялся же поединок в 1819 году на Кавказе.

Встреча там была совершенно случайной. Якубович, увидев Грибоедова, сразу вспомнил о дуэли. И она состоялась.

Якубовича некоторые современники почитали за чудовище, называли даже животным. Что ж, он и оказался 14 декабря 1825 года на Сенатской площади, где горстка животных вывела на площадь обманутых солдат и молодых офицеров, чтобы разрушить Россию, а государя и всю его семью повесить на экономической (по словам придумавшего ее Пестеля) виселице.

Первым на высокой мачте корабля они мечтали повесить императора, к его ногам привязать петли и повесить императрицу и семилетнего наследника престола – будущего императора Александра II, ну а далее остальных членов императорской фамилии. Последователи затем в 1918 году свершили не меньшие злодеяния...

Мыслитель русского зарубежья Борис Башилов так рассказал о поведении Якубовича во время путча 14 декабря 1825 года:

«Якубович в день восстания ведет себя так: встретив Николая I, попросил его нагнуться (император был верхом. — А.Ш.) и не выстрелил (именно Якубовичу руководство путча поручило убить императора. — А.Ш.), а прошептал на ухо: — Я был с ними и явился к вам.

Якубович вызвался уговорить мятежников, но, подходя к восставшим, сказал:

— Держитесь, вас сильно боятся, — и трусливо исчез в толпе».

То есть он приложил руку к кровавой развязке, которая была неминуема после убийства еще одним подонком — Каховским — генерала Милорадовича.

Так вот Якубович, слывший отличным стрелком, потребовал продолжения четверной дуэли. Грибоедов, которому уже не хотелось даже вспоминать о дуэли 1817 года, о корчившемся на снегу Шереметеве, тем не менее вышел к барьеру, но намеренно выстрелил в сторону.

Однако это не остановило будущего бунтовщика Якубовича. Он стал целиться, но потом, видимо, все же посчитал, что такое убийство человека, намеренно давшего промах, не делает ему чести, заявил, что номер не пройдет, и, вспомнив, что Грибоедов не только знаменитый уже поэт, но и талантливый музыкант, прекрасный пианист, решил сделать подлость. Он выстрелил Грибоедову в кисть руки, желая отрубить ее, но обрубил, к счастью, только часть мизинца.

Грибоедов впоследствии сумел при помощи изобретен-

ной им самим накладки вернуться за клавиши и играть с не меньшим успехом.

Видимо, этот поступок Якубовича и привел к тому, что его стали именовать чуть ли не животным.

Ну а что касается дерзости в боях, так если она и была, что очень сомнительно, ибо звероподобные существа обычно трусливы, то она сопровождалась жестокостью, жестокостью, которой подвергались враги не только потому, что они враги, — этой жестокости в равной мере могли быть подвержены и члены царской фамилии, победы декабристы на Сенатской площади.

Не Якубовича ли изобразил Грибоедов в «Горе от ума» под именем Скалозуба? Впрочем, есть и другие претенденты на эту роль...

А в Петербурге продолжала блистать Авдотья Истомина уже не только в партии Черкешенки в «Кавказском пленнике», но и Людмилы в «Руслане и Людмиле».

Пушкин же, получая известия из столицы, конечно, мечтал снова увидеть ту, которая сразила его красотой и мастерством танца. Мечтал и писал в своем бессмертном романе «Евгений Онегин», где нашли свое отражение в литературных героях, а то и в прямом изображении многие его современники.

Мои богини! что вы? где вы?

Внемлите мой печальный глас:

Все те же ль вы? другие ль девы,
Сменив, не заменили вас?
Услышу ль вновь я ваши хоры?
Узрю ли русской Терпсихоры
Душой исполненный полет?

Фаддей Булгарин писал об Авдотье Истоминой в альманахе «Русская Талия»:

«Изображение страстей и душевных движений одними жестами и игрою физиономии, без сомнения, требует великого дарования: г-жа Истомина имеет его, и особенно восхищает зрителей в ролях мифологических. А.С. Пушкин мастерски изобразил сию Актрису в новом своем Романе в стихах».

Ну и далее приводились сами поэтические строки, которые быстро облетели весь Петербург, сделав Истому самую знаменитой из столичных балерин.

Известный пушкинист Мстислав Александрович Цявловский (1883–1947) привел интересный факт о популярности Истоминой.

Генерал-губернатор Санкт-Петербурга генерал от инфантерии граф Михаил Андреевич Милорадович (1771–1825), который, как известно, ухаживал за балериной Екатериной Телешевой, соперничая при этом с Александром Сергеевичем Грибоедовым, нередко заказывал стихи в честь своей возлюбленной, причем просил поэтов, чтобы они по возможности походили на пушкинские посвящения Авдотье Исто-

миной.

Кстати, увлечение Телешевой не мешало посвящать стихи Авдотье Истоминой.

О, кто она? – Любовь, Харита,
Иль Пери, для страны иной,
Эдем покинула родной,
Тончайшим облаком обвита?
И вдруг – как ветер ее полет!
Звездой рассыплется, мгновенно
Блеснет, исчезнет, воздух вьет
Стопою свыше окрыленной...

Благодаря роману «Евгений Онегин» вся Россия узнала о прекрасной балерине. Дядя Пушкина Сергей Львович в сентябре 1829 года находился в Михайловском, часто бывал в гостях у соседей и сообщил поэту такие интересные факты:

«У барышень Тимофеевых есть нечто вроде горничной; она дочь пастуха (не аркадского), но пастуха Опочецкого уезда, который пасет свиней. Ей лет 14 или 15, толстая коротышка, плечи вздернутые, квадратная, а физиономия дикая, как у всех девок, делающих грубую работу. Она знает наизусть почти весь Бахчисарайский фонтан и читает стихи Александра, жестикулируя при этом самым комическим образом. Сложенная как я тебе говорю, она произносит отрывки из Онегина, где он говорит об Истоминой, и бьет ногой об ногу, но ноги в пол-аршина в длину и столько же в шири-

ну. Можешь вообразить, что это такое. Это столь же смешно, сколь и трогательно».

Между тем Пушкин, возвращенный из Михайловского в 1826 году императором Николаем I, снова повидал Истомина на сцене, вспомнил о «четверной дуэли» и задумал большой роман, который предварительно назвал «Русский Пелам», в котором собирался высветить пороки большого света.

В одном из сюжетных построений он посвятил главные сцены балерине Авдотье Истоминой. В черновиках он указал имена самой балерины и участников четверной дуэли.

Вот одна из строчек. «(Общество) Завадовский, паразиты, актрисы – его дурная слава» (VIII, 976). Но в задуманном романе Истоминой все же было уделено внимания мало – во всяком случае, так планировалось.

Тем не менее образ Истоминой не отпускал его. И вскоре в черновиках появились наброски нового замысла романа «Две танцовщицы»:

«Две танцовщицы – Балет Дидло в 1819 году. – Завадовский. – Любовник из райка. – Сцена за кулисами – дуэль – Истомина в моде. Она становится содержанкой, выходит замуж – Ее сестра в отчаянии – она выходит замуж за суфлера. Истомина в свете. Ее там не принимают – Она устраивает приемы у себя – неприятности – она навещает подругу по ремеслу».

К сожалению, Пушкин успел написать только фрагменты

замысла, исполнить который он так и не успел.

Истомина продолжала свои выступления, блистала на сцене. А вот счастье в личной жизни ее миновало. О ее отношениях с мужчинами после гибели Шереметева известно немного.

До увольнения на пенсию она числилась в документах Императорских театров девицей.

Сцену балерина покинула 30 января 1836 года, за год до гибели Александра Сергеевича Пушкина. В тот день было ее завершающее выступление.

На пенсию в 37 лет! Если сравнить с творческим долголетием Матильды Кшесинской, это очень мало. Но труд балерин нелегок, и не все могли похвастать такими успехами, как Матильда Феликсовна.

Неизвестно, как Пушкин отнесся к увольнению балерины. Замуж она вышла через два года после гибели воспевшего ее поэта.

Это случилось в 1839 году. Истомина связала свою жизнь с Василием Годуновым, который был гораздо моложе нее. Он родился в год четверной дуэли – в 1817 году. Казалось, обретено счастье, хотя и призрачное, ведь муж моложе на 18 лет. Но вскоре Годунов умер от тифа...

В 1839 или 1840 году балерина вышла замуж за драматического актера Павла Экунина, первого исполнителя роли Скалозуба в «Горе от ума» Грибоедова. Он был партнером на русской пляске во время бенефиса балерины.

Пушкин в черновых записках оказался в какой-то мере пророком. Он предрекал, что героиня его будущего романа выйдет замуж за театрального работника, но суфлера, а не артиста.

Пушкин в свои зрелые годы подошел к решению в своих произведениях важных социальных вопросов. Он готовился к большому роману, но уже в небольших произведениях начинал прописывать образы. Вот, к примеру, «Гости съезжались на дачу».

«Зинаида Вольская лишилась матери на шестом году от рождения. Отец ее, человек деловой и рассеянный, отдал ее на руки француженки, нанял учителей всякого рода и после уж об ней не заботился. Четырнадцать лет она была прекрасна и писала любовные записки своему танцмейстеру». Запомним! Шесть лет! Не намек ли на Истомину?

А вот характеристика...

«Важная княгиня Г. проводила Вольскую глазами и вполголоса сказала своему соседу:

– Это ни на что не похоже.

– Она ужасно ветрена, – отвечал он.

– Ветрена? Этого мало. Она ведет себя непростительно. Она может не уважать себя сколько ей угодно, но свет еще не заслуживает от нее такого пренебрежения. Минский мог бы ей это заметить.

– Il n'en fera rien, trop heureux de pouvoir la compromettre. (Он ничего подобного не сделает, так как слишком рад воз-

возможности ее скомпрометировать (*франц.*). Между тем я бьюсь об заклад, что разговор их самый невинный.

— Я в том уверена... Давно ли вы стали так добродушны?

— Признаюсь: я принимаю участие в судьбе этой молодой женщины. В ней много хорошего и гораздо менее дурного, нежели думают. Но страсти ее погубят.

Страсти! какое громкое слово! что такое страсти? Не воображаете ли вы, что у ней пылкое сердце, романическая голова? Просто она дурно воспитана...»

А вот следующее произведение: «На углу маленькой площади».

«В комнате, убранной со вкусом и роскошью, на диване, обложенная подушками, одетая с большой изысканностью, лежала бледная дама, уж не молодая, но еще прекрасная. Перед камином сидел молодой человек лет двадцати шести, перебирающий листы английского романа».

Если учесть, что Истомина не выходила из головы Пушкина, можно предположить, что именно ее он изобразил в этом произведении. И снова прозорливо... Он ведь не мог знать, что она вышла замуж за молодого человека, который на 18 лет моложе...

Но он мог знать о не весьма приятном завершении карьеры. Она даже перешла в разряд мимической актрисы. А вскоре, когда ей понадобилось обратиться за разрешением выехать на лечение, на прошении появилась резолюция императора Николая I: «Истомину уволить ныне совсем от

службы».

Возможно, император не забыл, как именно из-за нее погиб 23-летний кавалергард Шереметев.

Супруга Николая Некрасова, русская писательница и меуаристка Авдотья (Евдокия) Яковлевна Брянская, в первом браке Панаева, во втором браке Головачева (1820–1893):

«Я видела Истомину уже тяжеловесной, растолстевшей, пожилой женщиной. Желая казаться моложавой, она была всегда набелена и нарумянена. Волосы у нее были черные, как смоль: говорили, что она их красит. Глаза у Истоминной были большие, черные и блестящие. У нас она прежде не бывала, но теперь приехала просить отца приготовить к дебюту воспитанника Годунова, рослого, широкоплечего, с туповатым выражением лица юношу. Она покровительствовала ему.

Отец прямо сказал Истоминной, что Годунов – самый бездарный юноша. Истомина не поверила и обратилась к В.А. Каратыгину. Не знаю, правда ли, будто Каратыгин получил от Истоминной значительный подарок за свои занятия с Годуновым...

Вскоре после этого Истомина вышла замуж за Годунова, и он быстро растолстел. Его лицо лоснилось от жиру. Когда он сидел в ложе со своей супругой, то самодовольно на всех поглядывал, потому что сиял бриллиантами: шарф у него был заколот бриллиантовой булавкой, на рубашке и даже на жилете пуговицы были бриллиантовые. Он не надевал перчат-

ку на ту руку, на пальце которой было надето кольцо с большим бриллиантом. Но недолго Истомина наслаждалась своим поздним супружеским счастьем: ее здоровяк-муж схватил тиф и умер. Неутешная вдовица воздвигла дорогой памятник во цвете лет умершему супругу и даже собиралась поступить в монахини».

Умерла Истомина в 1848 году от холеры.

На скромной могиле было начертано: «Авдотья Ильинична Экунина, отставная артистка».

Вскоре ушел из жизни и ее супруг.

Звёздный любовный треугольник. Милорадович, Грибоедов – Екатерина Телешева (1804–1857)

Зачем манишь рукою нежной?

За окном лишь едва обозначился хмурый ноябрьский рассвет, когда к генерал-губернатору Санкт-Петербурга Михаилу Андреевичу Милорадовичу прискакал офицер с докладом о том, что на Сенатской площади выстроились части, отказывающиеся присягать императору Николаю I.

Занимался промозглый зимний день 14 декабря 1825 года.

Милорадович заканчивал завтрак. А завтракал он вместе со своей возлюбленной, уже к тому времени знаменитой красавицей балериной Екатериной Телешевой.

Телешева с тревогой посмотрела на него. Она не слышала доклада, но догадалась: произошло что-то серьезное. Михаил Андреевич сохранял спокойствие. Трудно было что-то прочесть на его лице. Отдал распоряжение приготовить парадный мундир и лишь после этого пояснил своей возлюбленной:

– Думаю, все удастся уладить. Сам поеду на Сенатскую

площадь. Обращусь к войскам. Они послушают. Не могут меня не послушать...

Он знал, что его любили в войсках, любили за безудержную храбрость, любили за справедливость, за чуткое отношение к солдату, хотя и твердость в поддержании дисциплины и порядка.

Собрался быстро. Уже у двери, поймав все тот же встревоженный взгляд Телешевой, пообещал:

– Думаю, к обеду вернусь... Не переживай.

И действительно... Более полусотни сражений на боевом веку Михаила Андреевича – и ни одной царапины. Что уж здесь-то, в центре столицы. Чай, не чужие, чай, свои, русские. Наверняка ведь немало еще в строю тех, кто крушил наполеоновские банды под его командованием.

Его адъютант, поэт и писатель Федор Глинка оставил словесный портрет Михаила Андреевича Милорадовича во время боя в кампании против Наполеона Бонапарта: «Вот он, на прекрасной, прыгающей лошади, сидит свободно и весело. Лошадь оседлана богато: чепрак залит золотом, украшен орденскими звездами. Он сам одет щегольски, в блестящем генеральском мундире; на шее кресты (и сколько крестов!), на груди звезды, на шпаге горит крупный алмаз... Средний рост, ширина в плечах, грудь высокая, холмистая, черты лица, обличающие происхождение сербское: вот приметы генерала приятной наружности, тогда еще в средних летах. Довольно большой сербский нос не портил лица его, продолго-

вато-круглого, веселого, открытого. Русые волосы легко от-
тенили чело, слегка подчеркнутое морщинами. Очерк голу-
бых глаз был продолговатый, что придавало им особенную
приятность. Улыбка скрашивала губы узкие, даже поджатые.
У иных это означает скудость, в нем могло означать какую-то
внутреннюю силу, потому что щедрость его доходила до рас-
точительности. Высокий султан волновался на высокой шля-
пе. Он, казалось, оделся на званый пир! Бодрый, говорливый
(таков он всегда бывал в сражении), он разъезжал на поле
смерти как в своем домашнем парке; заставлял лошадь де-
лать лансады, спокойно набивал себе трубку, еще спокойнее
раскуривал ее и дружески разговаривал с солдатами... Пули
сшибали султан с его шляпы, ранили и били под ним лоша-
дей; он не смущался; переменил лошадь, закурил трубку,
поправлял свои кресты и обвивал около шеи амарантовую
шаль, которой концы живописно развевались по воздуху.

Французы называли его русским Баярдом; у нас, за удальство, немного щеголеватое, сравнивали с французским Мюратом. И он не уступал в храбрости обоим».

Итак, Милорадович ускакал на Сенатскую площадь. Телешева осталась ждать. Несмотря на успокоительное обещание, она тревожилась. Интуитивно чувствовала – что-то не так.

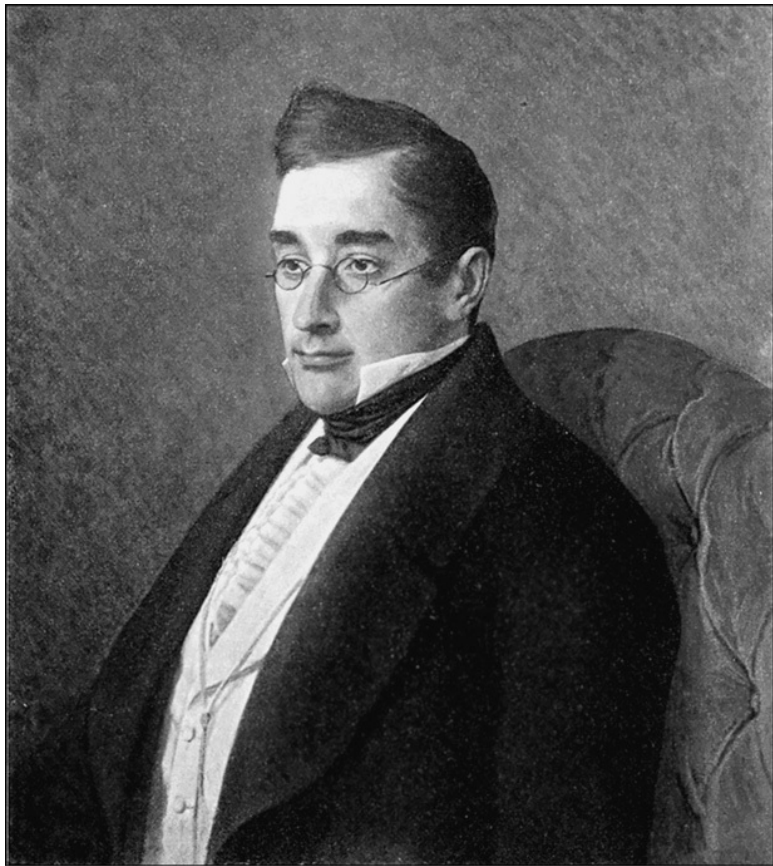
Своеобразна, необычна была эта барышня. В пятнадцать лет выйдя на петербургскую сцену, она сразу покорила сердца очень многих поклонников. Но все изменилось в жизни, когда ее сердце завоевал генерал от инфантерии граф Михаил Андреевич Милорадович, генерал-губернатор Петербурга. Правда, был и еще один знаменитый поклонник – к тому времени уже получивший известность поэт Александр Сергеевич Грибоедов. Она была благосклонна и к тому, и к другому, но все же ей более импонировал Милорадович, которого почитали «храбрейшим из храбрых», невероятно отважный воин, красавец ну и как-никак хозяин города!

Грибоедов не сдавался, и за сердце балерины возникла борьба между ним и Милорадовичем. Впрочем, и Телешева не слишком обольщалась на первых порах. Знала, что Милорадович любвеобилен, что его влюбленность может быть весьма призрачной. Ей пришлось сражаться за сердце «храбрейшего из храбрых», как звали Михаила Андреевича, с

не менее прекрасной и талантливой, чем она сама, балериной Верой Зубовой, тоже воспитанницей Петербургской театральной школы.

Зубова была на год старше Телешевой, если, конечно, верить указанной в документах дате рождения Екатерины, в чем некоторые исследователи сомневаются. И школа одна, и учитель один – выдающийся балетный педагог Шарль Дидло.

Правда, Екатерина Телешева дебютировала несколько раньше, примерно в 1818 году, а Вера Зубова – в 1821 году. С тех пор развернулось соперничество за звание первой танцовщицы Санкт-Петербургского балета, а попутно и за сердце Милорадовича.

А.С. Грибоедов. Художник И.Н. Крамской

Екатерина Телешева вышла на сцену в 15 лет и дебютировала в балетном спектакле своего учителя Шарля Дидло

«Зефир и Флора».

Знаменитый Дидло – учитель, генерал-губернатор Петербурга граф Милорадович – покровитель...

Современник вспоминал:

«Екатерина Александровна имела массу поклонников таланта и красоты. Это была увлекательная женщина, изящная и красивая. Она приходилась родственницей Ежовой – пассии князя Шаховского, потому пользовалась расположением закулисного начальства. Когда ей симпатизировал граф Милорадович, то услужливый Дидло назначал Телешевой те роли, которые нравились артистке, иначе говоря, самые выигрышные».

Так, в 1824 году она исполняла роль волшебницы в постановке «Руслан и Людмила, или Низвержение Черномора, злого волшебника».

На премьере присутствовал Грибоедов и заболел любовью к ней.

Посвящение...

О, кто она? – Любовь, харита,
Иль пери, для страны иной
Эдем покинула родной,
Тончайшим облаком обвита?
И вдруг – как ветер ее полет!

Звездой рассыплется, мгновенно
Блеснет, исчезнет, воздух вьет
Стопою, свыше окрыленной...
Не так ли наш лелеет дух
Отрадное во сне виденье,
Когда задремлет взор и слух,
Но бодро в нас воображенье! —
Улыбка внятная без слов,
Небрежно спущенный покров,
Как будто влаги облиянье;
Прерывно персей волнованье,
И томной думы полон взор:
Созданье выпренного мира
Скользит, как по зыбям эфира
Несется легкий метеор.

Быть удостоенной поэтического посвящения модного столичного поэта, конечно, лестно. Поэзия творит чудеса. Нелегко устоять женскому сердцу перед волшебными поэтическими строками. Как тут не дать надежду, чтобы услышать в стихах признание в душевной страсти...

Зачем манишь рукою нежной?
Зачем влечешь из дальних стран
Пришельца в плен твой неизбежный,
К страданью неисцельных ран?
Уже не тверды заклинаньем
Броня, и щит его, и шлем;

Не истомляй его желаньем,
Не сожигай его огнем
В лице, в груди горящей страсти
И негой распаленных чувств!
Ах, этих игр, утех, искусств
Один ли не признает власти!
Изнеможенный он в борьбе,
До капли в душу влил отраву,
Себя, и честь, и долг, и славу –
Все в жертву он отдал тебе.

Боже! Сам Грибоедов отдает сердце, отдает все, что может отдать, ради благосклонности, ради хотя бы намека на взаимность.

Но сердце! Кто твой восхищенный
Внушает отзыв? для кого
Порыв восторга твоего,
Звучанье лиры оживленной?
Властительницы южных стран,
Чье царство – роз и пальм обитель,
Которым эльф-обворожитель
В спутники природой дан,
О, нимфы, девы легкокрылы!
Здесь жаждут прелестей иных:
Рабы корыстных польз унылы,
И безрассветны души их.
Певцу красавиц что в награду?
Пожнет он скуку и досаду,

Роптаньем струн не пробудив
Любви в пустыне сей печальной,
Где сном покрыто лоно нив,
И небо ризой погребальной.

Это стихотворение написано в декабре 1824 года, за год до грозных событий на Сенатской площади.

О чем она могла думать в то хмурое декабрьское утро, когда ждала возвращения «храбрейшего из храбрых»? Быть может, вспоминала, как чаша весов сердечных склонялась то к блистательному генералу, то к непревзойденному поэту.

А Грибоедов настойчиво искал встречи и вскоре нашел ее на вечере у князя Шаховского, где бывала вся петербургская богема того времени. В письме к своему другу мемуаристу Степану Никитичу Бегичеву (1785–1859), брату известной в то время русской писательницы Елизаветы Никитичны Яблочковой, известной своими спектаклями, которые она ставила в своем имении и писала для них пьесы:

«Долго я жил уединенно от всех, вдруг тоска выехала на белый свет – куда как не к Шаховскому?.. В три, четыре вечера Телешева меня с ума свела, и тем легче, что в первый раз и сама свыклась с тем чувством, от которого я в грешной моей жизни чернее угля выгорел».

Знал ли он тогда, что Телешева является возлюбленной самого все сильного генерал-губернатора столицы Милорадовича?

Впрочем, сердцу не прикажешь. Об этом он далее говорил

в письме Бегичеву:

«Между тем Телешева, до такой степени в три недели нашей симпатии успела в танцах, что здесь ей не могли надивиться; всякий спрашивал ее, отчего такая перемена, такое совершенство. А я один стоя торжествовал; наконец я разразился рифмами, которые ты, вероятно, читал. Представь себе, с тех пор я остыл, реже вижусь, чтобы не разочароваться. Или то меня с ног сшибло, что теперь не так закрыто, завеса отдернута, сам целому городу пропечатал мою тайну, и с тех пор радость мне не в радость».

Не совсем ясно, что хотел сказать Грибоедов фразой «чернее угля выгорел».

То ли он так отозвался о своем романе, то ли, напротив, выжгла безответная любовь. Нельзя забывать, что Екатерина Телешева, по мнению литературоведов, была фактически, ну как бы мягче сказать – не сожительницей, а как ныне приду-мали – гражданской женой генерал-губернатора. Собственно, Милорадович обеспечил свою возлюбленную даже собственной квартирой на Невском проспекте. Он снял ее рядом со своим домом.

Ну и что было делать Екатерине Телешевой? Возможно, Грибоедов и тронул ее сердце. Но она была в руках Милорадовича, который сделал ее, как судачили злые языки, «султаншей петербургских театров».

М.А. Милорадович. Художник Дж. Доу

Она могла выбирать себе роли, могла требовать даже, чтобы ставили спектакли, которые ей по нраву. Она постепенно

вытесняла других балерин из тех партий, что нравились ей. И попробуй возрази.

К примеру, солистка балета Анастасия Семеновна Новицкая (1790–1822), тоже ученица Шарля Дидло, правда, более раннего времени, решила оспорить свое место под солнцем.

Но тут вмешался высокий покровитель Телешевой. Юрий Алексеевич Бахрушин (1896–1973), балетовед и театраль- ный критик, историк балета, педагог, в книге «История рус- ского балета» так осветил эту историю, связанную с протес- тами Новицкой:

«Милорадович предложил ей раз и навсегда прекратить борьбу с Телешевой под страхом быть посаженной в смири- тельный дом. Этот разговор так потряс впечатлительную ар- тистку, что у нее началось тяжелое нервное расстройство. Тем временем слухи об этом происшествии стали распро- страняться по городу и дошли до царского двора. Милора- довичу было указано на неуместность его поведения. Решив исправить дело, он отправился с визитом к уже поправляв- шейся артистке. Услышав о приезде генерал-губернатора и не зная причины его посещения, Новицкая пришла в такой ужас, что у нее случился припадок. Усилия врачей не смогли вернуть здоровья больной, которая вскоре после этого скон- чалась».

Правда, существует и другая версия, которая говорит о том, что Новицкая получила травму во время балетного спектакля, вызванную отказом специальной машины, кото-

рая должна была опустить балерину из-под потолка на сцену.

Впрочем, важно то, что отдать роль Телешевой велел именно Милорадович. Хотя Новицкая была весьма и весьма достойной балериной.

Вот только несколько отзывов театральной критики. «А.С. Новицкая (1790–1822) Анастасия Семеновна была одинаково одаренной танцовщицей и пантомимной актрисой»; «Живая, быстрая, восхитительная в балетах, Новицкая выделялась и своей мимикой»; «Была одаренной танцовщицей и пантомимной актрисой». Романист, драматург и театральный критик Рафаил Михайлович Зотов (1795–1871) писал, что в искусстве Новицкой «невыразимая легкость и чистота соединялись с нежностью и скромностью».

Ну а писатель и драматург Александр Алексеевич Плещеев (1778–1862) отмечал:

«Новицкая Настасья Семеновна – прекрасная танцовщица, пленявшая балетоманов грациозностью... Новицкая не отличалась красотой, но была чрезвычайно симпатична».

Вышло так, что балерину, которая уже не только показала себя талантливой солисткой балета, но и начала педагогическую работу – преподавала танцы сначала в Смольном, а затем и Екатерининском институтах, отодвинули на второй план ради совсем еще юной танцовщицы. Конечно, это было нелегко перенести. Дата смерти указывает на то, что, скорее всего, это действительно не обошлось без той трагедии, которая стала для балерины отставка с важных балетных ро-

лей.

Новицкая была скромна, жила с матерью, уединенно. О ее романах каких-то определенных данных не имеется.

В борьбе за сердце Екатерины Телешевой Грибоедов не сдавался, что начинало уже раздражать Милорадовича. Он готов был наказать ухажера. Учитывая, что Грибоедов был горяч и дерзок, иные считают, что все могло закончиться дуэлью. «Храбрый из храбрых» не посмотрел бы на свой высокий пост, исключаящий право на поединки, и вполне мог дать согласие.

Конфликт назревал, но назревали и другие события – бунт на Сенатской площади.

Соперники... по разные стороны баррикад?

Итак, отправляясь на Сенатскую площадь, Милорадович обещал вернуться к обеду. Он не предполагал, что дело зайдет столь далеко, да и была у него уверенность, что стоит ему появиться перед войсками, как старые воины, которые знали его по минувшим боям на Дунае и особенно в Отечественную войну двенадцатого года, дрогнут и покинут площадь.

Он не предполагал, сколь много омерзительных типов собралось на площади. Если солдаты действительно были обмануты, им говорили, что нужно идти спасать конституцию и что Конституция – жена нового государя Константина Павловича, тоже известного всем своими мужеством и отвагой, проявленными в 1799 году, в походах Суворова, то многие офицеры рвались в бой, кто по своей принадлежности к тайным обществам, а кто просто из веры в обещания благ в случае свержения царя. Это закономерно. Поверили бандитам из Государственной думы да прочим слугам темных сил и свергли царя, а потом утонули в крови революций и революционных войн. Поверили бандитам-горбачевцам да ельциноидам, и получили беспредел девяностых, а потом трудно сбрасываемое с плеч экономическое рабство.

Вот и на Сенатской площади младшие чины были просто обмануты. А вот среди офицеров было уже всякой твари по

паре.

В любом случае на площади находились, согласно законам, государственные преступники, ибо они преступали клятву, данную в феврале 1613 года их предками на земско-поместном соборе, причем данную за себя и своих потомков.

Когда Милорадович выехал перед бунтовщиками и обратился на гарцевавшем коне к войскам, многие в строю стали сомневаться в правильности своих действий. Еще немного, и бунт бы сам собою сдулся.

Но во главе было немало нелюдей, подобных Каховскому. Этот недомужчинка – ориентация была та, что ныне так уважаема в Западной Европе, – так вот этот слизняк, изгнанный из армии, а затем и из круга заговорщиков, явился на Сенатскую площадь и, внезапно выхватив из-за пояса у Бестужева пистолет, подбежал к Милорадовичу, ударил ножом его коня. Милорадович обернулся – и Каховский выстрелил в упор...

Подлый, предательский выстрел подонка Каховского в какой-то мере стал причиной суровой расправы с бунтовщиками. Не хотел император Николай Павлович начинать свое царствование с кровопролития. Тянул до последнего. Была надежда на то, что любимец войск, «храбрейший из храбрых» генерал Милорадович сможет убедить войска прекратить бунт. Убийство признанного героя Отечественной войны 1812 года и других войн, любимца самого Суворова под-

толкнуло к решительным действиям.

А Милорадовича вынесли с площади. Извлекли пулю. Он мельком глянул на нее и воскликнул:

– О, слава богу! Это пуля не солдатская! Теперь я совершенно счастлив! – и пошутил: – Жаль, что после сытного завтрака не смог переварить такого ничтожного катышка.

«До встречи в лучшем мире!» – написал Милорадович императору Николаю Павловичу.

Затем он попросил передать императору шпагу, подаренную ему великим князем Константином Павловичем, и продиктовал завещание, в котором особо отметил, что просит дать вольную всем его крестьянам. У него их было около полутора тысяч.

Император Николай Павлович в письме великому князю Константину коснулся и случившейся трагедии – гибели «храбрейшего из храбрых»:

«Бедный Милорадович скончался! Его последними словами были распоряжения об отсылке мне шпаги, которую он получил от вас, и об отпуске на волю его крестьян! Я буду оплакивать его всю свою жизнь».

Но что же Грибоедов? Вот таким трагическим образом путь к сердцу балерины оказался открытым. Но открытым ли?

Телешева искренне переживала гибель Милорадовича. Она лишилась не только любимого человека. Она лишилась всесильного покровителя, и было ясно, что теперь все

это неминуемо скажется на ее сценической карьере. Слуги Мельпомены не прощают таких обид, которые получали от Телешевой, снимавшей пенки со всех театральных программ и планов. Все лучшее – ей и только ей одной.

Правда, оставался еще один непростой поклонник – Александр Сергеевич Грибоедов. Но он был на Кавказе. К тому же, как скоро стало известно, над ним нависла угроза наказания как соучастника бандитского путча на Сенатской площади.

В работе «Следственное дело А.С. Грибоедова» академик АН СССР Милица Васильевна Нечкина (1901–1985) писала:

«Не прошло и десяти дней после восстания декабристов, как в Следственном комитете, где велись допросы участников восстания, прозвучало имя автора «Горя от ума» – Александра Сергеевича Грибоедова.

26 декабря 1825 г. Следственный комитет вынес решение об аресте Грибоедова. Николай I утвердил это решение на следующий же день, и на Кавказ к генералу Ермолову понесся фельдъегерь с приказом об аресте Грибоедова. Его арестовали 22 января 1826 г. и 11 февраля привезли в Петербург. В делопроизводстве Следственного комитета возникло особое “дело” о Грибоедове, многими нитями связанное с другими документами следствия».

Но был ли Грибоедов в числе тех, кто готовил крушение империи в декабре 1825 года? Борис Башилов отвергает эти обвинения:

«В “Истории русского театра”, написанной Н. Евреиновым и недавно изданной Чеховским издательством, Н. Евреинов утверждает, что и Грибоедов был декабристом. В Москве несколько лет назад вышла огромная книга Нечкиной “Грибоедов и декабристы”. На протяжении шестисот с лишним страниц Нечкина пытается изобразить Грибоедова декабристом, но из ее попыток ничего не выходит. Приводя противоречивые показания декабристов насчет того, был ли Грибоедов членом заговора, Нечкина в конце концов принуждена выдвинуть против оправданного следствием Грибоедова ту же самую версию, которую выдвигает С. Волконский в отношении Пушкина. Нечкина заявляет, что Грибоедов хотел быть декабристом, но его, как и Пушкина, не приняли декабристы, щадя его поэтический талант.

“Грибоедов, – уверяет Нечкина, – знал очень многое о тайных планах декабристов, сочувствовал им, но, несмотря на тюрьму и допросы, он не выдал просто ничего, ни разу не поколебавшись, ни разу не изменив принятой линии. Он оказался замечательным товарищем и доверие, оказанное ему первыми русскими революционерами, оправдал вполне”. А дело-то было проще. При всем желании А. Грибоедов ничего не мог рассказать Следственной комиссии о тайных планах декабристов. Он был таким же “декабристом”, как и Пушкин, которого совсем не привлекали к допросам, так как правительству было ясно, что Пушкин не имеет никакого отношения ни к заговору, ни к восстанию».

Вот эти размышления выдающегося мыслителя русско-го зарубежья, сопровождаемые неопровержимыми фактами, раскладывают, как говорится, все по полочкам. Ну а мифы рождались в разные времена – и при жизни Пушкина и Грибоедова, и после их смерти, а особенно в послереволюционные годы. Причины их рождения и распространения очевидны. В дореволюционное время либеральная общественность пыталась постоянно показать значимость и важность попыток декабристов развалить самодержавие, умалчивая, что бунтовщики старались во имя западных своих хозяев, старались во имя того, чтобы превратить Россию в сырьевой придаток Запада и получить при этом хоть какой-то свой куш.

В послереволюционное время декабристов сделали борцами за счастье народное, хоть и очень «далеки они были от народа», как вещал Ленин. Но ведь все, что было против царской власти, восхвалялось революционерами. Теперь-то уж ясно, что все было поставлено с ног на голову.

Но каковы были эти борцы за свободу, устроившие бунт в столице, спровоцировавшие применение оружия против обманутых ими солдат, – сами-то они не пострадали, поскольку успели разбежаться и попрятаться. А потом, выловленные из своих нор, сдавали и продавали всех без зазрения совести. Называли имена реальных заговорщиков или вымышленных, сводили счета, словом, вели себя низко и подло по отношению и к соратникам своим, и к сослуживцам, и к под-

чиненным. Особенно подло поступали они с солдатами, ими же обманутыми, а теперь ими же отправляемыми на суд.

Кто-то наговорил и на Грибоедова, причем наговорил ложь.

Грибоедов сразу отверг обвинения и обратился к императору:

«Я не знаю за собой никакой вины».

«Благоволите даровать мне свободу, которой лишиться я моим поведением никогда не заслуживал».

«Я к тайному обществу не принадлежал и не подозревал о его существовании».

«Ничего мне подобного не открывали. Я повторяю, что, ничего не зная о тайных обществах, я никакого собственного мнения об них не мог иметь».

На первом же допросе он все стал отвергать:

«От всех сих лиц ничего не слышал, могущего мне дать малейшую мысль о тайном обществе. В разговорах их видел часто смелые суждения насчет правительства, в коих сам я брал участие: осуждал, что казалось вредным, и желал лучшего. Более никаких действий моих не было, могущих на меня навлечь подозрение, и почему оное на меня пало, истолковать не могу».

«К[нязь] Трубецкой и другие его единомышленники напрасно полагали меня разделявшим их образ мыслей. Если соглашался я с ними в суждениях о нравах, новостях, литературе, это еще не доказательство, что и в политических мо-

их мнениях я с ними был согласен...»

В завершении размышлений на эту тему Борис Башилов указал:

«Против Грибоедова подозрения возникли, и он был арестован. Но следствие доказало полную непричастность Грибоедова, и он был освобожден. Грибоедов был выпущен “с очистительным аттестатом” 2 июня 1826 года, через четыре дня был принят Николаем Первым вместе с другими оправданными чиновниками. Грибоедову, как и другим оправданным, было выдано двойное жалованье. В письме к Одоевскому Грибоедов пишет:

«Государь наградил меня щедро за мою службу».

Ну и еще один факт, который привел Борис Башилов. Он касается попытки Льва Толстого создать роман о декабристах. Ведь широко известно, что Лев Николаевич сначала начал именно роман «Декабристы», но потом бросил его и написал широко известный роман «Война и мир».

Борис Башилов отметил:

«Исторического романа “Декабристы” Л. Толстой, по тонкому замечанию В. Розанова, не кончил по великой пустоте сюжета. Все декабристы суть те же “социал-женихи”, предшественники проститутки и студента, рассуждающих о небе и земле. Хоть и с аксельбантами и графы. Это не трудовая Русь: и Толстой бросил сюжет...»

Что же касается взглядов на русскую действительность, свидетелем которой он был, то, по словам Бориса Башилова,

«Грибоедов так же, как и Пушкин, с тревогой смотрел на все расширяющуюся пропасть между образованным обществом, усваивавшим все больше и больше европейскую идеологию, и массами народа...»

И далее мыслитель отметил:

«Грибоедов писал в “Загородной прогулке” (в 1826 г.): “... Родные песни! Куда занесены вы с священных берегов Днепра и Волги?.. Прислоняясь к дереву, я с голосистых певцов невольно свел глаза на самих слушателей-наблюдателей, тот поврежденный класс полуевропейцев, к которому я принадлежу. Им казалось дико все, что слышали, что видели: их сердцам эти звуки невнятны, эти наряды для них странны. Каким черным волшебством сделались мы чужие между своими?.. Народ, единокровный, наш народ разрознен с нами и навеки!..”» В. Розанов верно отмечает в «Уединенном», что «вообще семья, жизнь, не социал-женихи, а вот социал-трудовики – никак не вошли в русскую литературу. На самом деле труда-то она и не описывает, а только “молдых людей”, рассуждающих “о труде”. Именно женихи и студенты; но ведь работают-то в действительности – отцы. Но те все – “презираемые”, “отсталые”, и для студентов они то же, что куропатки для охотника».

«...увлекала самого бесстрастного зрителя»

Два выдающихся поклонника погибли, а Телешева продолжала восхищать публику. Карл Брюллов – художник, которого называли «Пушкиным в поэзии», – запечатлел балерину в картине «Итальянка у фонтана».

Орест Кипренский писал с нее Зелию. Если быть точной, полотно называется «Портрет танцовщицы Е.А. Телешевой в роли Зелии». 1828 год.

Когда художник работал над портретом, Михаила Андреевича Милорадовича уже не было в живых, а Александру Сергеевичу Грибоедову оставалось жить меньше года...

Портрет танцовщицы Е.А. Телешовой в роли Зелии. Художник О.А. Кипренский

Портрет передает необыкновенную привлекательность балерины.

Вспомним...

Зачем манишь рукою нежной?
Зачем влечешь из дальних стран
Пришельца в плен твой неизбежный,
К страданию неисцелимых ран?..

Успехи на сцене следовали за успехами. В 1827 году Телешева получила звание придворной танцовщицы. О ее таланте один из современников писал: «...При самой очаровательной наружности имела она столько чувств и игры, что увлекала самого бесстрастного зрителя».

Гибель двух выдающихся поклонников, из которых Милорадович был фактически, как сказали бы теперь, гражданским мужем, конечно, оставила неизгладимый отпечаток. Но жизнь брала свое.

Поклонники не переводились. Среди них были и весьма состоятельные. К примеру, Афанасий Федорович Шишмарев был одним из них. Он рано – в чине штабс-капитана – вышел в отставку, занялся коннозаводством, постепенно стал и домовладельцем. Его супруга, Анна Сергеевна Яковлева, была дочерью Сергея Яковлева, который владел

уральскими рудниками и «железодельными» заводами. Так что Шишмарев с помощью богатого приданого значительно укрепил свое финансовое состояние, и без того достаточно прочное.

Супруга приобщила его к театру, и он стал театралом-за-всегдаем, особенно балета. Тогда же он увидел Ека-терину Телешеву, которая потрясла его воображение. А когда в 1829 году ушла из жизни его супруга Анна Сергеевна, Шишмарев, едва оправившись от потери, нашел возможность познакомиться с балериной.

Вскоре он сделал ей предложение.

Брак получился счастливым. Знаменитая супруга родила Шишмареву пять сыновей и дочь. Дочь записали Телешевой, поскольку она решила идти по стопам матери – в балет.

Долгое время, несмотря на частые роды, балерина продолжала свою волшебную работу на сцене, когда исполнилось тридцать восемь лет – в 1842 году, – покинула театр и полностью посвятила себя семье. Она умерла в 1857 году. Афанасий Федорович пережил ее почти на два десятка лет и оставил этот мир в 1876 году.

Любовница князя Юсупова? Евгения Колосова (1780–1869)

Казус в Эрмитажном театре

Начнем повествование о любовных драмах русских балерин с рассказа о судьбе прекрасной танцовщицы Евгении Колосовой, происходившей из артистической семьи.

На всю жизнь запомнился семнадцатилетней танцовщице балетный спектакль в Эрмитажном театре, в котором ей довелось участвовать, еще будучи воспитанницей Санкт-Петербургского театрального училища.

Накануне стало известно, что на спектакле будет присутствовать император Павел I. Конечно, Колосова волновалась. Да и как было не волноваться?! Что только не говорили об императоре, как только не пугали одним его именем.

Лишь недавно вступил он на престол, но страху навел! И ведь не всякому было известно, что страхи эти на девяносто девять и девять десятых процентов вымышлены теми, кто носил камень за пазухой, кому не нравился государь, всем сердцем, всей душой преданный России и русскому народу, по существу, как называли его те, кто понимал правильно обстановку в стране, это был «противодворянский, народный

царь».

Рассказывали о том, что император Павел Петрович скор на наказания, что не терпит никаких оплошностей в деле, что недавно прямо с развода отправил на каторгу целый пехотный полк. И хотя все это было в основном полным бредом и никакого полка император никуда не отправлял, слухи и сплетни имеют зачастую необыкновенную силу, особенно если распускаются слишком активно и намеренно.

Павел I. Неизвестный художник

Ну и актрис, разумеется, пугали. Вот, мол, станцуешь

плохо, несдобровать. А император любил театр. Это было известно. К театру приобщила его еще матушка-государыня Екатерина Великая, столь внезапно покинувшая земной мир, заставив горько оплакивать ее по всей необъятной России. Екатерина Великая сама писала пьесы, правда, вовсе не балетные постановки, а драматические и сатирические.

Ну а смена-то у нее какова?! Солдафон! Только и знает, что солдат муштровать и разводы караулов производить. И верно ли то, что он любит балет, ценит театр? Способен ли оценить?

В тот день роль у Колосовой была не столь значительна. Она ведь еще не окончила курс Петербургского театрального училища. Впереди ее ожидало целых два года учебы.

Она волновалась перед балетным спектаклем.

Вот уже зрители стали занимать свои места в зале, вот уже из оркестровой ямы донеслись волнующие переключки музыкантов театрального оркестра. Близилось начало.

Балерина не видела из примерной, но знала, что уже зал заполнился. А там, в зале, в ту минуту словно легкий ветерок пролетел.

– Государь, государь...

Все повернулись к царской ложе, встали для приветствия, и зашуршал, открываясь, занавес. Точно в назначенный час. Все знали, что император любит точность.

Взорвалась оркестровая яма увертюрой. Полилась музыка в зал, за кулисы, всюду...

Евгения Колосова вся подобралась перед выходом на сцену... И вот началась ее партия.

Первое действие прошло успешно. Далее короткий отдых, и снова работа, хоть и красивая, сказочная, но очень и очень сложная.

Она танцевала, публика аплодировала, развивались гирлянды декораций, разливалась музыка. Хотелось хоть одним глазком глянуть на императора, но куда там?! Главное – точность движений. Все внимание к точности исполнения каждого движения.

Щекотнула слишком низко спустившаяся гирлянда, но Колосова даже внимания не обратила. Взлетала над сценой, кружилась и вдруг – она даже не заметила того, что произошло... А случилось непредвиденное. Плохо закрепленная гирлянда прицепилась к платью балерины. Еще кружок, и гирлянда могла натянуться, как струна, а тогда, даже подумать страшно...

Зал замер. И в этой тишине неожиданно для всех прозвучал обеспокоенный голос:

– Осторожно...

Не сразу и не все сообразили, чей это голос. А это был голос императора. Именно у него, обеспокоенного тем, что балерина может упасть, невольно вырвалось это предостережение. На самом деле участливое и доброе, но не все и не сразу это поняли.

Колосова мельком взглянула на императорскую ложу. Па-

вел Петрович даже привстал со своего места и что-то кому-то показывал. На лице была написана тревога. И тут ры-вок. От испуга Колосова вздрогнула и рванулась за сцену. Как раз был момент, когда можно сделать это, не нарушая хода спектакля.

Жест государя, его слова, которые она четко не расслышала, сразили ее. Она на какие-то мгновения лишилась представления о действительности, словно в полузабытии от волнения опустилась на какой-то стул.

Ее тут же привели в чувство, и она испуганно спросила: – Что случилось? Что-то не понравилось императору в моем выступлении?

Балетмейстер поспешил успокоить:

– Нет-нет. Император заметил, как гирлянда искусственных цветов прицепилась к твоему платью. Он хотел предупредить. Ведь ты могла запутаться в ней и упасть.

Но Колосова не поверила. Она лишь немного успокоилась и продолжила свою работу на сцене. Но продолжила с трудом. И, едва отгремели аплодисменты, сразу удалилась в гримерную. Сидела ни жива ни мертва. Пришел балетмейстер, стал уверять, что все нормально. Но она все чего-то ждала, все не верила, что все обошлось. И вдруг дверь отворилась, и на пороге появился директор Императорских театров Александр Львович Нарышкин (1760–1826).

Балетмейстер замер, отступив в сторону. Евгения Колосова поспешно встала со своего места и тоже замерла.

– Сиди, девица, сиди, красавица! – мягко сказал Нарышкин. – Ты играешь великолепно. Государь восхищен... Желает счастья тебе и успехов. Он просто хотел предостеречь тебя от падения.

Нарышкин взял ее руку и, слегка склонившись, поднес к губам.

Колосова слушала и ушам не верила. Хотела что-то спросить, уточнить, но Нарышкин столь же порывисто повернулся и так же торопливо покинул гримерную.

Балерина долго еще была в оцепенении. На всю жизнь она запомнила похвалу, переданную от императора. После этого, что бы она ни слышала о государе из уст сплетников, ничему уже и никогда не верила.

Встреча с императором Павлом I

А спустя некоторое время Евгении Колосовой довелось побывать в Гатчине. Приехала туда прогуляться со своей подругой Настасьей Бериловой. Гуляли, любовались красотами этого сказочного уголка, в котором столь удивительно сочетался природный ландшафт со сказочными творениями рук человеческих, и совершенно случайно оказались у дворца. Видимо, привлекла военная музыка. Марш, затем барабанный бой, потом снова марш.

И вдруг лицом к лицу столкнулись с императором. Он вышел из дворца и направлялся к выстроенным на строевом плацу войскам.

Шел быстрым шагом, но, заметив девушек, резко повернулся и столько же стремительно подошел к ним.

– Как вы здесь оказались? Что вас сюда привело? – спросил, пристально глядя на Евгению Колосову.

«Узнал или не узнал?» – подумала она.

Павел Петрович смотрел внимательно, ожидая ответа на свой вопрос.

И она нашла что ответить:

– Нам очень нравится смотреть на это, на это...

– Развод караулов, – подсказал Павел Петрович и, улыбнувшись, прибавил шутливо: – Ну что ж, похвально, очень похвально. Так ведь это у нас здесь тоже своеобразный ба-

лет. Балет пехотный! Вон как вышагивают гвардейцы!

– Просто замечательно! – с восхищением проговорила Колосова.

– Чтобы обучиться такому, не меньше вашего работать надо! – сказал император.

Видно было, что его обрадовали слова Колосовой.

Он снова пристально посмотрел на нее и спросил:

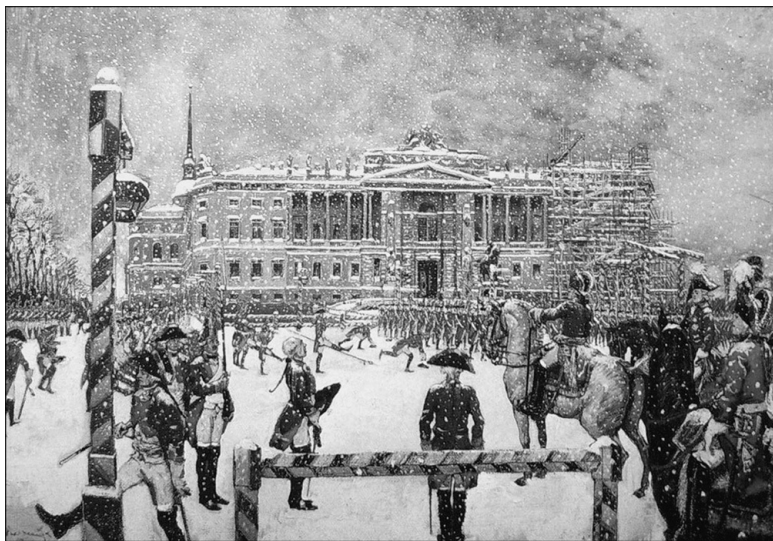
– А гирлянды больше не мешают?

– Нет-нет, что вы... Это случайно... – начала пояснять Евгения, но он, видно, очень торопился, потому что, не дослушав объяснения, пожелал удачи и поспешил к войскам.

А утром объявили императорский указ, по которому дозволялось присутствовать при разводе караулов Петербургской императорской балетной группе.

Говорили, что от требования приказа об обязательном присутствии на разводе спасла французская певица Луиза Шевалье, которая была приглашена в столицу в 1798 году вместе с балетмейстером Пекеном Шевалье и братом – танцовщиком Огюстом Пуаро. Луиза Шевалье в ту пору еще не была изобличена как платная шпионка Наполеона, а потому пользовалась вниманием даже со стороны императора. А уж И.П. Кутайсов стелился перед ней, полагая, что пробился к ее сердцу. Но женщины в разведке зачастую изображают то, что им выгодно, что им просто необходимо для выполнения задания. Луиза Шевалье убедила императора в том, что не нужно обжаловки. Достаточно просто разрешения присут-

ствовать на разводах по желанию.

Парад при Павле I. Художник А. Бенуа

Луиза блистала на оперной сцене и во всех салонах была прославлена. Ну как же не прислушаться к ее мнению?!

Известно, что под видом страстного увлечения русским искусством, прекрасная Луиза сильно, как говорили тогда, «опустошила императорскую казну». Занялась она не только оперной сценой, но и русским балетом вместе со своим балетмейстером и с братом.

Павел Петрович вскоре обратил внимание на то, что ар-

тисты балета – мужчины, разумеется, – не служат в армии, и издал указ, по которому в балет можно было брать только после того, как юноши понюхают пороху.

Ну а что касается развода караулов, то так и было указано, что допускается присутствовать, но необязательно. То есть все окончилось личным разрешением императора без всяких суровых приказов.

В связи с указом, по которому мужчины, прежде чем идти в балетные артисты, должны отслужить в армии, на сцене получилась нехватка исполнителей мужских ролей. Балет оказался под угрозой. И тогда приняли решение выбирать для исполнения мужских партий балерин, наиболее к тому подходящих.

Первой на такую роль была выдвинута уже упомянутая нами танцовщица Настасья Берилова (1776–1804), как тогда считалось, любимая балерина императора. И тут Павел Петрович неожиданно вспомнил о Колосовой. Он поручил Настасье Бериловой готовить Евгению к исполнению мужских ролей.

И все же императору больше нравился женский балет, а если точнее, исполнение женщинами женских ролей.

Балет в России

Собственно, в эпизодах, изложенных выше, Колосова была еще не Колосовой, а воспитанницей театральной школы при императорской группе Нееловой. Такова ее девичья фамилия, ибо родилась Евгения в семье пантомимного артиста кордебалета Ивана Дмитриевича Неелова (1746–1810).

Отец Евгении был выпускником театральной школы при императорской группе. Школа эта отличалась от театрального училища тем, что туда принимали детей в основном из семей аристократических, дворянских. Школа была закрытого типа. Дети жили и обучались в школе за казенный счет.

Здесь, мне кажется, надо сказать несколько слов о театральном образовании в России, поскольку данные эти понадобятся и для всех последующих очерков, посвященных любовным драмам русских балерин. Ведь сами по себе любовные коллизии в судьбе балерин неразрывно связаны с их волшебной профессией, вызывающей столь горячие чувства среди представителей сильного пола.

Во многих информационных материалах мы видим упоминания о театральных школах, театральных училищах. Причем зачастую принято считать, что все, мол, дал нам Запад. Вот прорубил Петр I окно в Европу, и полилось к нам прекрасное. А ведь это не так: полились к нам грязь, серость, пьянство, курение, стяжательство, мошенничество,

жестокость – да ведь всего и не перечислишь. «Европейские ценности» и ныне леденят душу своими низостью и мерзостью. А в ту давнюю пору и подавно ужасали благочестивый русский народ.

Вовсе не Петр I открыл в России первый театр, а его отец – я имею в виду отца того Петра I, который царствовал до «двухнедельной» поездки в Европу, вылившуюся почти в двухлетнее путешествие, возвратившее в Россию «Петра», подростка примерно сантиметров на пятнадцать, путавшегося в дворцовых помещениях, не узнававшего своих подданных, сославшего приказом, отданным еще с дороги, супругу свою в монастырь – ее-то не обманешь – ну и прочими странностями. Странностями – это, мягко говоря. Но это несколько иная тема.

Ну а первый театр был, как уже упоминалось, создан при царе Алексее Михайловиче, прозванном Тишайшим. Это случилось в 1762 году в Преображенском. У истоков стоял боярин Артамон Сергеевич Матвеев. Поскольку театр создавался по типу европейских заведений подобного рода, то и готовить первую постановку было поручено немецкому пастору Иоганну Готфриду Грегори. Он создал сам, в качестве драматурга, пьесу «Артаксерксово действо». Причем и для этой постановки, и для подготовки других использовались иностранцы, которых отобрали в количестве около шестидесяти человек для обучения театральной деятельности. Построили и помещение для театра.

В Википедии в статье «История театра в России» говорится:

«17 октября 1672 года прошло открытие долгожданного театра и первое представление. На этом важном событии присутствовали сам царь и все его ближние бояре. Царь сидел в кресле, царица с детьми смотрела “сквозь решетку или, вернее, сквозь щели особого, досками отгороженного помещения”, присутствовавшие вельможи стояли прямо на сцене. Представление длилось десять часов, но царь досмотрел все до конца и остался очень доволен. Когда спектакль был окончен, зрители тут же отправились в баню, так как считали, что после такого «действия» необходимо смыть с себя все грехи. Театр называли в то время «позорищем» (дословно – зрелищем). В 1673 году произошли некоторые изменения. Театр был перенесен в другое помещение, которое находилось над Аптекарской палатой Кремля. Труппа актеров тоже пополнилась».

Тут нужно добавить, что первым было именно балетное представление. Но перед началом балета была провозглашена своеобразная здравица царю. Актер, игравший роль Орфея, пропел куплеты, переведенные с немецкого языка на русский. Они были посвящены царю. После куплетов начались непосредственно балетные танцы.

В Википедии далее сообщено:

«Уже в следующем, 1673 году окрыленный Грегори поставил второй спектакль. Он назывался “Комедия из книги

Иудифь” или “Олоферново действо”, где был уже другой, но все еще библейский сюжет о еврейской женщине Юдифи, которая пробралась во вражеский стан и отрубила голову ассирийскому военачальнику Олоферну. Справедливости ради следует сказать, что он ее потерял еще до того, как холодное лезвие коснулось кожи. Вот какими словами пытается соблазнить красавицу суровый полководец: “Не зрише ли, прекрасная богиня, яко сила красоты твоя мя уже отчасти преодолевает? Смотрю на тя, но уже и видети не могу. Хощу же говорити, но языком больши прореши не могу. Хощу, хощу, но не могу же, не тако от вина, яко от силы красоты твоя низпадаю!”»

Театральные постановки продолжались до 1676 года, но после смерти царя Алексея Михайловича прекратились.

При Петре I балетные постановки были сплошь подражательными, и исполняли их иностранцы. Танцам в принудительном порядке стали обучать всех поголовно дворянских детей.

Интересно, что дальнейшее развитие театрального, а в том числе и балетного искусства тесно связано с российской военной школой, в частности, с образованным в 1731 году Сухопутным шляхетным кадетским корпусом. В программе корпуса немало внимания уделялось изящным искусствам, бальным танцам и балету. История театра вообще да и балета в частности тесно связана с историей кадетского корпуса.

В тридцатые годы восемнадцатого века в Россию приехал

из Франции Жан-Батист Ланде (1697–1748) – танцовщик, балетмейстер и балетный педагог. Он родился в семье учителя танцев из Бордо и с ранних лет избрал для себя профессию, которой его отец посвятил всю жизнь. Ко времени приезда в Россию он с успехом выступал во многих западноевропейских городах, работал учителем танцев в Швеции и даже руководил в Стокгольме французским балетом.

Россия полюбила его. Он нашел в ней вторую родину. Поначалу он был назначен учителем танцев при дворе императрицы Анны Иоанновны, но в 1754 году ему поручили учительствовать и в 1-м Сухопутном шляхетском кадетском корпусе. С его приходом в корпусе театральная жизнь значительно активизировалась. В 1736 году балетмейстер показал при дворе оперу Франческо Арайи «Сила любви и ненависти» с дивертисментом из балетных номеров. Кадеты, силами которых и была сделана постановка, покорили зрителей. Это позволило Жану-Батисту Ланде обратиться с предложением открыть в Санкт-Петербурге балетную школу. Кадетский корпус весь имел иное предназначение. Театральная деятельность там служила общему культурному развитию. Ну а основатель школы Жан-Батист Ланде знаменит еще и тем, что преподавал танцы будущей российской государыне Екатерине Великой, когда она прибыла в Россию по приглашению императрицы Елизаветы Петровны.

Если позднее, при императоре Павле Петровиче, назначали для исполнения мужских ролей женщин, то в кадетском

корпусе, напротив, приходилось самим кадетам исполнять и мужские и женские роли. Вспомним кинофильм «Гардемарины, вперед!». Там как раз хорошо это показано, ведь балетные постановки устраивались не только в кадетском корпусе.

И еще одна любопытная деталь. Известно, что наш знаменитый полководец Александр Васильевич Суворов кадетского корпуса не оканчивал. Но ему довелось поучиться в 1-м Санкт-Петербургском шляхетском корпусе, посещая занятия. В то время лейб-гвардии Семеновский полк выполнял роль кузницы офицерских кадров. Да вот только программы пока не были отработаны достаточно хорошо. Суворов это сразу почувствовал. Не устраивали его занятия. И тогда будущий полководец попросил разрешения посещать лекции и практические занятия в 1-м Санкт-Петербургском шляхетском кадетском корпусе. Занятия занятиями, но гениальный человек обычно развит всесторонне. Вот и Суворов интересовался не только военными науками, хотя, конечно, ими прежде всего. Творческая натура искала и другие выходы. И нашла. Суворов окунулся в театральную жизнь.

Кадетские корпуса в России всегда были учреждениями, где собирались самые талантливые кадры. И началось это с 1-го шляхетского (то есть дворянского) корпуса. В то время, когда Суворов посещал занятия, кадетом корпуса был Михаил Матвеевич Херасков (1733–1807), будущий автор эпической поэмы «Россияда» (о покорении Иоанном IV Гроз-

ным Казанского ханства), трагедии «Венецианская монахиня», философско-нравоучительных романов «Нума Помпилий, или Процветающий Рим» и других, а также известных в те годы литературных произведений, относящихся к русскому классицизму.

С корпусом не потерял связи и его выпускник 1740 года Александр Петрович Сумароков (1717–1777). Он уже был к тому времени известным в России писателем. В корпусе он создал «Общество любителей российской словесности». Суворов принял участие в работе общества. Читал на заседаниях свои первые литературные произведения, среди которых было и «Разговоры в царстве мертвых». Печатался будущий полководец и в журнале Академии наук, который назывался «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие».

Выдающиеся литературные дарования Суворова не нашли достаточного отражения в литературе. Между тем будущий полководец был охотно принят в литературный круг светил писательского общества того времени. К примеру, выпускник Сухопутного шляхетского кадетского корпуса 1740 года Александр Петрович Сумароков был автором весьма популярных в то время произведений: комедии «Рогоносец по воображению», трагедий «Дмитрий Самозванец», «Мстислав» и других, в какой-то мере предвосхитивших отдельные черты творчества знаменитого Д.Ю. Фонвизина.

Кадетский корпус давал глубокие знания в науке, искусстве, литературе. Что же касается непосредственного военного образования, то на этот счет есть красноречивое свидетельство блистательного русского полководца Петра Александровича Румянцева. Во время русско-турецкой войны 1768–1774 годов по его просьбе Екатерина Великая прислала на пополнение армии двенадцать поручиков – выпускников Сухопутного шляхетского кадетского корпуса. Высочайшая по тому времени подготовка этих офицеров настолько поразила Румянцева, что он тут же отписал государыне, благодаря ее за присылку «вместо двенадцати поручиков двенадцати фельдмаршалов».

Безусловно, занятия в корпусе, хотя Суворов и не был его воспитанником, оказали значительное влияние на его становление».

Но ведь офицер должен быть не только мастером своего боевого предназначения, но и всесторонне образованным и воспитанным на лучших достижениях культуры человеком. Поэтому не случайно кадетский корпус стал таким очагом культуры, который серьезно повлиял и на развитие театрального искусства в России, а в том числе и искусства балетного.

Впрочем, первая балетная школа в России была открыта еще до прихода Суворова в корпус. Открыта она была при императрице Анне Иоанновне и получила название «Танцевальная Ея Императорского Величества школа». За свою историю она претерпела много преобразований, меняла назва-

ние, но основа была заложена именно учителем танцев кадетского корпуса, что не забывают и ныне в стенах правопреемнице этой школы – Академии русского балета имени А.Я. Вагановой.

В положении о школе говорилось, что создается она для обучения детей из крестьян. Основатель ее был назначен «для обучения танцеванию театральному». Эта школа стала впоследствии Императорским театральным училищем. Школу окончил отец нашей героини, а затем окончила и она сама. Первоначально учебное заведение находилось в старом Зимнем дворце, на месте которого впоследствии был построен Эрмитажный театр. Фасад здания выходит на Дворцовую набережную. Здание соединяется с основным комплексом нынешнего Зимнего дворца специально сооруженной аркой-переходом через канал. Канал – Зимняя канавка – соединяет реку Мойку с Невой.

В школе первоначально был установлен трехлетний срок обучения. Учителем Евгении Колосовой – в ту пору еще Нееловой – был знаменитый балетмейстер и балетный педагог Иван Иванович Вальберх (Вальберг, Лесогоров 1766–1819), происходивший из обрусевшей шведской семьи.

Семейная жизнь не мешала сцене

Итак, будущая звезда балета Евгения Неелова родилась в семье пантомимного артиста кордебалета Ивана Дмитриевича Неелова (1746–1810), окончившего театральную школу при императорской труппе в 1769 году. Она решила идти по стопам родителя своего и поступила в ту же школу, которую с успехом окончил отец.

Балетмейстер Вальберх настолько высоко оценил способности будущей звезды балета, что занимался с ней даже тогда, когда в связи с очередной реорганизацией школа временно не действовала.

Еще в годы учебы Евгения сумела блестяще показать себя. В четырнадцать лет она участвовала в балетном спектакле «Пигмалион». Это стало ее дебютом.

В 1799 году в возрасте девятнадцати лет она окончила учебу и поступила в Петербургскую императорскую труппу солисткой.

В том же году она вышла замуж за музыканта Михаила Колосова.

Семейная жизнь не мешала сцене. Собственно, когда муж и жена работают на сцене, это даже помогает.

Муж, Михаил Петрович Колосов, продолжал работу в оркестре Петербургской императорской труппы.

4 февраля 1802 года у Колосовых родилась дочь Алек-

сандра, которая в будущем стала выдающейся драматической актрисой. Замужем она была за Каратыгиным, являлась фактически ведущей актрисой эпохи Пушкина. Достаточно известным был и ее супруг трагик Василий Каратыгин.

Собственно, вся близкая родня Евгении Колосовой была на сцене. Отец, муж, сестра, дочь, племянники.

Ну а дочь уже 1 марта 1819 года в семнадцать лет вышла на Санкт-Петербургскую сцену Императорских театров, где работала в течение двадцати пяти лет.

Родители серьезно занимались ее воспитанием и обучением. Евгения Колосова даже брала дочь за границу, где та прошла учебу. В Русском биографическом словаре говорится:

«8 июня 1822 г. она (Александра Колосова) уехала с матерью за границу и провела целый год в Париже, где училась у знаменитой французской артистки m-lle Марс, первоклассной исполнительницы мольеровских ролей. Вернувшись в Петербург, Колосова 27 ноября 1823 г. выступила в роли Селимены («Мизантроп» Мольера). Естественность и простота исполнения этой роли, невиданные дотоле на русской сцене, привели публику в восторг; с тех пор Колосова стала выступать преимущественно в так называемой высокой комедии».

Дочь Колосовой могла стать возлюбленной Пушкина

В шуточном донжуанском списке Александра Сергеевича Пушкина значится и дочь Евгении Колосовой Александра, с которой у него вполне мог быть роман, и, по крайней мере была взаимная симпатия.

Пушкин, как известно, одно время был увлечен актрисой. В январе 1819 года Александра Колосова сыграла главную роль в трагедии «Эсфирь» Расина, в которой до нее блистала Екатерина Семеновна Семенова (1786–1849). Пушкин в статье «Мои замечания об русском театре» (1820) писал: «В скромной одежде Антигоны, при плесках полного театра, молодая, милая, робкая Колосова явилась недавно на поприще Мельпомены. 17 лет, прекрасные глаза, прекрасные зубы, нежный недостаток в выговоре обворожили судей трагических талантов. Приговор почти единогласный назвал Сашеньку Колосову надежной наследницей Семеновой. Во все продолжение игры ее рукоплесканья не прерывались. По окончании трагедии она была вызвана криками исступления...»

Правда, Александр Сергеевич обратил внимание на «недостаток естественности и простоты в игре К.».

Исполнению роли Эсфири в пьесе Расина он посвятил эпиграмму:

Все пленяет нас в Эсфири:
Упоительная речь,
Поступь важная в порфире,
Кудри черные до плеч,
Голос нежный, взор любви,
Набеленная рука,
Размалеванные брови
И огромная нога!

Существует мнение, что эпиграмма родилась по другому поводу. Будто бы сплетники выдумали, что Колосова назвала его мартышкой, намекая на своеобразную внешность. Вот поэт и ответил эпиграммой.

Александра Колосова между тем очень тепло отзывалась о поэте, хотя и ее несколько раздражало его увлечение Семеновой.

Колосова писала о Пушкине:

«Он... стал довольно часто посещать нас, смешил свою резвостью и ребяческою шаловливостью. Бывало, ни минуты не посидит спокойно на месте; вертится, прыгает... перерывает рабочий ящик матушки; спутает клубки гаруса в моем вышиванье».

Размолвка же, вызванная эпиграммой, была устранена самим Пушкиным, написавшим «Кто мне пришлет ее портрет»...

Катенину

Кто мне пришлет ее портрет,
Черты волшебницы прекрасной?
Талантов обожатель страстный,
Я прежде был ее поэт.
С досады, может быть неправой,
Когда одна в дыму кадил
Красавица блистала славой,
Я свистом гимны заглушил.
Погибни злобы миг единый,
Погибни лиры ложный звук:
Она виновна, милый друг,
Пред Селименой и Моиной.
Так легкомысленной душой,
О боги! смертный вас поносит;
Но вскоре трепетной рукой
Вам жертвы новые приносит.

Непосредственно Колосовой поэт писать не решился, понимая, что эпиграммой обидел ее. Катенин же был учителем Александры Колосовой по драматическому искусству.

Пояснив, что Селимена – роль Колосовой в комедии Мольера «Мизантроп»; Моина – ее роль в трагедии Озерова «Фингал», Пушкин и обратился к Катенину. Стихотворение датировано 5 апреля 1821 года.

В феврале 1827 года в свои двадцать пять лет Александра Колосова вышла замуж за актера-трагика Василия Андреевича Каратыгина (1802–1853).

Внебрачные сыновья князя Юсупова?

Но вернемся к судьбе Евгении Колосовой...

Казалось бы, текла спокойная жизнь, без драм и трагедий. Но что скрывала она – эта жизнь?

И вдруг... Некоторые биографы утверждают с уверенностью... Балерина Колосова стала любовницей и содержанкой знаменитого екатерининского вельможи Николая Борисовича Юсупова... Это случилось, как утверждается, в 1812 году. И не просто любовницей – она родила ему сына. Это при живом и здравствующем муже.

Во многих биографических материалах говорится, что Юсупов был крайне любвеобилен. Что ж, здесь не будем возражать. В этом единодушны все авторы. А вот относительно Колосовой бывают и такие приписки: «Злые языки утверждают, что Колосова родила от него (Юсупова) сына».

В Википедии, в частности, говорится:

«Среди покровителей и благотворителей Евгении Колосовой называют... директора Императорских театров князя Николая Борисовича Юсупова (1750/1751–1831) – с Юсуповым они имели общего сына, который после смерти отца воспитывался в одном из немецких пансионатов; по другим данным, точно отец ребенка не установлен».

Что ж, само по себе это вполне возможно.

К примеру, в «Словаре достопамятных людей русской земли», изданном в 1836 году, о Николае Борисовиче говорится:

«Он отличался просвещенным умом своим, утонченным вкусом ко всему изящному, остротою, обходительностью, веселостию нрава, памятью обширною, любил ученых и художников и даже в старости маститой приносил дань удивления прекрасному полу. Многие из красивейших девушек театральной капеллы князя были его любовницами. Сохранился портрет 1821 года крепостной певицы Анны Боруновой, сестры архитектора И.Е. Борунова, которая состояла “барской барыней”. Восьмидесятилетний князь взял себе в наложницы восемнадцатилетнюю крепостную балерину Софью Малинкину. С 1812 года у Н.Б. Юсупова была на содержании талантливая балерина, ученица Дидло Колосова. Ей было тогда 18 лет. О ней поведала отрытая недавно из земли мраморная плита в селе Спас-Котово (ныне город Долгопрудный), где похоронен князь Н.Б. Юсупов. На плите надпись латинскими буквами – имя балерины и даты ее жизни. От Юсупова у Колосовой родились два сына – Сергей и Петр Николаевичи. Князь придумал им фамилию Гирейские – в память о крымских ханах Гиреях, предках князей Юсуповых. Колосова умерла всего 22 лет от роду, а сыновья ее запечатлены на картине того же Никола де Куртейля 1819 года, хранящейся в Архангельском. Петр умер семи лет, а Сергей Николаевич безбедно жил в основном за границей».

Вот тут сразу возникает много вопросов.

Балерина умерла 22 лет от роду. Но ведь Евгения Колосова умерла в 1869 году. В 1812 году ей было 18 лет, значит, она умерла в 1816 году.

Что-то здесь не так... Да и вообще об этой балерине сведения какие-то противоречивые и весьма скудные. Ну и еще один момент. Довольно известно проклятие рода Юсуповых.

Вот что пишет об этом Иван Анатольевич Вольхин в статье «История рода Юсуповых. Проклятие рода Юсуповых»

«Сами Юсуповы из поколения в поколение передавали слова проклятия: “И пусть из рода всего до 26 лет доживает только один. И да будет так, пока весь род не изведется под корень”».

Суеверия суевериями, но ведь сбывались слова столь витиеватого заклания неукоснительно. Сколько бы ни рождали женщины из этой семьи детей, до злосчастных 26 лет и более преклонного возраста всегда доживал лишь один из них».

А тут... «Петр умер семи лет, а Сергей Николаевич безбедно жил в основном за границей».

Жил, как сказано выше, за границей и сын Евгении Колосовой.

И «безбедно жил» в России законный сын Юсупова Борис Николаевич. Так что получается, что в данном случае нарушилось проклятие?

Увы, в мире столько существует неразгаданных загадок! А в роду Юсуповых было как раз все так, как говорилось в проклятии. Род в конце концов был «изведен под корень».

Фамилия Юсуповых сохранена искусственно «царской волей». Дочь знаменитого старца Григория Распутина Матрена Григорьевна рассказала в своей книге «Распутин» следующее:

«Состояние Юсуповых было поистине несметным. Оно образовалось в результате цепочки тщательно продуманных браков на протяжении двух поколений. Говорят, что дед Юсупова со стороны отца (имеется в виду Феликс Юсупов), командующий войском донских казаков (наказной атаман кубанских казаков. – *А.Ш.*), был побочным сыном прусского короля Фридриха Вильгельма Шестого и графини Тизенгаузен, фрейлины императрицы Александры, сестры короля. Во время визита царицы к брату король влюбился в графиню и хотел на ней жениться. Мог ли состояться этот морганатический брак – неизвестно; считалось, что фрейлина отказалась от него, так как не пожелала покинуть царицу. Во всяком случае, в результате их связи родился сын – Феликс Эльстон. Он женился на графине Елене Сергеевне Сумароковой, и так как она была последней в роду, а наследники мужского пола отсутствовали, то царь дал ему право взять фамилию и титул жены.

Его сын, граф Феликс Сумароков-Эльстон, женился на княгине Зинаиде Николаевне Юсуповой, и она тоже была

последней в своем роду, и уже другой царь разрешил графу Сумарокову-Эльстон взять ее фамилию и титул...»

То есть эти решения были приняты наперекор проклятию. Род Юсуповых по мужской линии пресекся. Ну а то, что он оставался по царской воле, к делу не относится. Проклятие исполнилось. Ну а каким образом? Ученые, не желающие верить в сверхъестественные силы, предположили, что была какая-то родовая болезнь, приводившая к подобному исходу. Ни подтвердить, ни опровергнуть это невозможно. Ну а факты остаются фактами.

Что же касается романов с балеринами, то нрав Николая Борисовича Юсупова довольно известен. Один из его современников и добрых приятелей вспоминал:

«Вся Москва обсуждала скандальную жизнь старика князя. Давно живя раздельно с женой, он держал при себе любовниц во множестве, актеров и пейзажистов. Театрал-завсегда-тай Архангельского рассказывал, что во время балета стоило старику махнуть тростью, танцовщицы тотчас заголялись. Прима была его фавориткой, осыпал он ее царскими подарками. Самой сильной страстью его была француженка, красotka, но горькая пьяница. Она, когда напивалась, бывала ужасна. Лезла драться, била посуду и топтала книги. Бедный князь жил в постоянном страхе. Только пообещав подарок, удавалось ему уговорить буянку. Самой последней его пассии было восемнадцать, ему – восемьдесят!»

Имена не указаны. Но, судя по другим данным, среди этих

вот заголяющихся танцорок была и Колосова, но явно не Евгения, урожденная Неелова, а как уже указано выше, Екатерина Петровна. То есть иные авторы просто не обращают внимания на имена. Услышали звон – и вперед... В замочную скважину подглядывать интереснее, нежели добираться до правды. Вон, к примеру, один из авторов ярко живописал, как знаменитая Матильда Кшесинская занималась тем, что демократы наименовали любовью, в вагоне поезда. Как же это сумели подсмотреть? Совершенно непонятно. На какой машине времени забрали под диван капе и наслаждались наблюдениями, впоследствии занесенными на страницы книги. Видимо, у кого что болит. И когда стареет плоть, как говорил советский писатель Борис Васильев, возрастает нравственность. Так и у авторов, живописующих «любовь» наших предков и великих, и знаменитых, и просто известных.

Что же касается такого вот покровительства, которое предлагал Юсупов, то оно скорее драматично, нежели счастливо. Потому не случайно Екатерина Петровна Колосова ушла из жизни так рано – в 22 года, не оставив по себе сколь-нибудь заметных данных.

А Евгения Колосова стала одной из первых русских балерин, взявшихся за педагогическую деятельность.

Актриса Императорского Александринского театра Варвара Николаевна Асенкова (1817–1841), которую в то время называли «королевой водевиля», писала о Евгении Колосовой:

«Независимо от своего сценического первенства имела первенство как умная и истинно добрая женщина, всегда готовая помочь каждому и словом, и делом. Каждое развивающееся дарование она встречала приветом и поощрением, и для каждого из собратий своих, даже самых младших, нуждавшихся в утешении, у ней готово было слово надежды и ободрения».

Балетмейстер и балетный педагог Адам Павлович Глушковский (1793 – ок. 1870), воспитанник, как и сама Евгения Колосова, Ивана Ивановича Вальберха, писал о ней:

«Я более сорока лет следил за танцевальным искусством, много видел приезжающих в Россию известных балетных артистов, но ни в одном не видал подобного таланта, каким обладала Евгения Ивановна Колосова 1-я, танцовщица петербургского театра. Каждое движение ее лица, каждый жест так были натуральны и понятны, что решительно заменяли для зрителя речи».

Чем более глубокий пласт мы поднимаем в биографических очерках, тем менее данных удастся найти. Не случайно в публикациях встречается огромное количество разночтений.

В жизни звезды русского балета Евгении Колосовой, урожденной Нееловой, не просматривается любовных драм, подобных тем, что перенесла Екатерина Петровна Колосова, судя по датам жизни, не заставшая ни гибели одного сына, ни благополучия другого.

«Свет-Наташа! Где ты ныне?» Наталья Овошникова

Кто же первая любовь Пушкина?

Спор идет давно. Одни называют первую любовью великого поэта Екатерину Бакунину, сестру его сокурсника по Царскосельскому лицейю Александра Бакунина. Другие уверяют, что первой любовью была крепостная балерина Наталья Овошникова.

Балерина, опять балерина! Впрочем, Пушкин увлекался многими балеринами, многим посвящал стихи. Среди них такие известные имена, как Истомина, Телешева...

Но кто же первая любовь? Наталья? Это следует из «Дон-жуанского списка Пушкина».

Но почему-то не берется в расчет, что список тот в значительной степени шуточный.

Посмотрим, как и при каких обстоятельствах появился этот список, представляющий собой перечень женских имен без фамилий. В 1829 году Пушкин был в гостях у сестер Ушаковых, одной из которых он несколько раньше даже делал предложение и получил согласие родителей, но некоторые обстоятельства развели влюбленных. Так вот, еще в пе-

риод сватовства нередко заходили разговоры о любви, о былых увлечениях поэта. Сестры интересовались, кому посвящено то или иное стихотворение. И тогда Пушкин взял да написал список женщин, которыми увлекался в минувшие годы, от самой первой любви. Первой, но не ранней! Для чего сделано уточнение, расскажу дальше.

А пока коротко о списке. В Википедии о нем говорится: «Впервые списки были напечатаны в 1887 году в “Альбоме Пушкинской выставки 1880 года”».

Вообще все произведения, нет-нет да появляющиеся после смерти авторов, всегда вызывают некоторые сомнения.

At a noonish

The Wicky man (in) new
Syr Nyryke —

Пушкин в образе монаха, искушаемого бесом, подпись: «Не искушай (сай) меня без нужды». Автопортрет, помещённый в альбоме Ушаковых сразу после донжуанского списка

Ну, допустим, в данном случае муж одной из сестер Ушаковых П.С. Киселев мог вполне владеть информацией. В биографическом очерке А.А. Венкстерна было указано: по объяснению П.С. Киселева (мужа одной из сестер Ушаковых) — это донжуанский список поэта, то есть перечень всех женщин, которыми он увлекался. Первой посвященной спискам работой явилась статья Н.О. Лернера «Донжуанский список». Популярность термин получил после одноименной работы П.К. Губера «Донжуанский список А.С. Пушкина», изданной в 1923 году в издательстве «Петроград». Широко известно также высказывание поэта в письме к В.Ф. Вяземской (1830): «Моя женитьба на Натали (это, замечу в скобках, моя сто тринадцатая любовь) решена»; вероятнее всего, иронический характер этой цифры, вообще характерный для тона переписки Пушкина с Вяземскими (чуть выше в письме Пушкин сравнивает «первую любовь» со «второй»). Любопытно, что и сама княгиня Вера Федоровна, по-видимому, фигурирует в составленном Пушкиным списке из альбома Ушаковых.

Но это все уже касается самого Пушкина и его отношений с другими женщинами. Нас же интересуют непосредственно балерины как главный персонаж сборника, посвященного

любовным историям этих волшебных слуг Мельпомены.

К примеру, если взять упомянутую Веру Федоровну, то тут тоже интересная история. Многие биографы называли ее возлюбленной Пушкина, а она была супругой его друга – князя Петра Андреевича Вяземского. Просто во время южной командировки – именно командировки, а не ссылки – Пушкина он оказался в Одессе в то время, когда там отдыхала княгиня Вяземская. Любовь в уединении? Как бы не так – Вера Федоровна подробно описывала мужу все, что происходило с Пушкиным, и даже в какой-то мере опекала его. Правда, есть и такое мнение: у Вяземских в семье сложились отношения весьма необычные для того времени. Они не только не препятствовали свободам друг друга, но даже порой делились впечатлениями от своих увлечений.

В своем Донжуанском – в некоторых документах Дон-Жуанском – списке Пушкин упоминал все же имена женщин в шутливой форме. Вряд ли он хотел на кого-то бросить тень. Потому и называл только имена. Это не Пабло Пикассо (о нем речь пойдет в одном из следующих материалов), который старательно записывал в свой дневник соблазненных им женщин, разделяя их на две категории. Одни у него звались «богинями», другие – «половыми ковриками». Думаю, комментировать тут нет необходимости.

Пушкин подобных пошлых делений не делал.

Первой в списке стоит именно Наталья. Среди ранних стихов Пушкина есть посвящение «К Наталье»:

Так и мне узнать случилось,
Что за птица Купидон;
Сердце страстное пленилось;
Признаюсь – и я влюблен!
Пролетело счастья время,
Как, любви не зная бремя,
Я живал да попевал,
Как в театре и на балах,
На гуляньях иль в воксалах

Имеются в виду, конечно, не вокзалы, а «увеселительные сады с помещением для концертов и балов».

Поэт, мастер эпиграмм, признается далее...

Легким зефиром летал;
Как, смеясь во зло Амуру,
Я писал карикатуру
На любезный женский пол;
Но напрасно я смеялся,
Наконец и сам попался,
Сам, увы! с ума сошел.
Смехи, вольность – все под лавку,
Из Катонов я в отставку,
И теперь я – Селадон!

Пушкин сравнивает себя с героем французского романа «Астрея» Селадоном, в котором писатель Оноре д'Юрфе

(1568–1625) изобразил сентиментального влюбленного молодого человека. И как часто случается, имя этого героя, Селадона, стало нарицательным для волокит.

Ну а кто же героиня?
Милovidной жрицы Тальи
Видел прелести Натальи,
И уж в сердце – Купидон!

Так, Наталья! признаюсь,
Я тобою полонен,
В первый раз еще, стыжуся,
В женски прелести влюблен.
Целый день, как ни верчуся,
Лишь тобою занят я;
Ночь придет – и лишь тебя

Вижу я в пустом мечтанье,
Вижу, в легком одеянье
Будто милая со мной;
Робко, сладостно дыханье,
Белой груди колебанье,
Снег затмившей белизной,
И полуотверсты очи,
Скромный мрак безмолвной ночи –
Дух в восторг приводят мой!..

Кто же эта милovidная жрица Талия? В греческой мифо-

логии существовала муза комедии и фривольной поэзии – Фалия, дочь Зевса и Мнемосины. Она изображалась с венком плюща на голове и маской в руке.

Датировано стихотворение, строки из которого приведены здесь, 1813 годом. А перевод с французского таков:

«Почему мне бояться сказать это?

Марго пленила мой вкус».

Этот эпиграф взят из «Послания к Марго» французского писателя, военачальника и изобретателя Пьера Амбруаза Франсуа Шодерло де Лакло (1741–1803). «Послание к Марго» – сатирическое произведение, в котором высмеивается фаворитка французского короля Людовика XV Мари Жанна Бекю, по мужу графиня Дюбарри (1746–1793).

Пушкин признался в любви, но не раскрыл предмета этой своей первой любви.

Ну а строки в завершении стихотворения: «Знай, Наталья! – я... монах!» еще раз указывают на то, что написано оно в лицейские годы, поскольку поэт нередко называл Царскосельский лицей монастырем.

В ту пору рядом с Царскосельским лицеем было имение графа Варфоломея Васильевича Толстого (1754–1838), действительного статского советника, камергера. Граф создал в Царском Селе крепостной театр, разгар деятельности которого пришелся как раз на лицейские годы Пушкина.

В этом театре среди крепостных слуг Мельпомены особенно выделялась балерина Наталья Овошникова.

Данных о характере отношений Пушкина с нею твердых нет. Но из стихотворений видно, что он не только созерцал прелести балерины издали. Какое-то общение было. Во всяком случае, такое, которое дало возможность поэту влюбиться.

И все же речь, скорее всего, идет о мечтах, воплотившихся не в быль, а в сон...

Ночь придет – и лишь тебя
Вижу я в пустом мечтанье,
Вижу, в легком одеянье
Будто милая со мной,
Робко, сладостно дыханье,
Белой груди колебанье,
Снег затмившей белизной,
И полуотверсты очи,
Скромный брак безмолвной ночи –
Дух в восторг приводят мой!..
Я один в беседке с нею,
Вижу... девственну лилею,
Трепещу, томлюсь, немею...
И проснулся... вижу мрак
Вкруг постели одинокой!
Ипускаю вздох глубокий,
Сон ленивый, томноокий
Отлетает на крылах.

Страсть сильнее становится,
И, любовью утомясь,
Я слабею всякий час.

Поэт прямо признается, что видит ее «в пустом мечтательстве».

Любопытный взгляд на отношения Пушкина с Натальей Овощниковой высказал в Интернете автор под псевдонимом doctor:

«Путь Натальи Овощниковой, несмотря на незначительность ее таланта, от маленького крепостного театра до петербургских сцен нам неизвестен, но он состоялся. Как актриса Наталья Овощникова не значится ни в одной первой роли: возможно, она не поднималась выше “кушать подано”. Но этим актрисочкам приходилось очень плохо, если они не “подрабатывали” у завсегдатаев кулис, к которым, несомненно, относился и молодой Пушкин. Иначе говоря, можно было бы считать Наталью Овощникову одной из порхающих бесчисленных “бабочек”. Но, как видно, в ней было нечто, что воскресило ее образ у Пушкина, живущего в ссылке в Михайловском, и это “нечто” водило рукой Пушкина в сугубо деловом письме к Всеволожскому. Более того, Пушкин, выступая в этом письме в качестве просителя, хочет упомянуть о своих прошлых “заслугах” перед Всеволожским и воскресить в памяти приятеля одну из тех, которая восхитила друга Никиту, когда Пушкин познакомил его с ней.

А.С. Пушкин. Художник Е.И. Гейтман

Можно с уверенностью сказать, что Наташа Овощникова

заняла определенное место в сердце поэта, а не промелькнула перед его глазами, как мелькают бесчисленные субретки перед искушенными “креслами”».

Мнение автора подтверждается стихотворением «Дубравы, где в тиши свободы...»:

Дубравы, где в тиши свободы
Встречал я счастьем каждый день,
Ступаю вновь под ваши своды,
Под вашу дружескую тень.
И для меня воскресла радость,
И душу взволновали вновь
Моя потерянная младость,
Тоски мучительная сладость
И сердца первая любовь.
Любовник муз уединенный,
В сени пленительных дубрав,
Я был свидетель умиленный
Ее младенческих забав.
Она цвела передо мною,
И я чудесной красоты
Уже отгадывал мечтою
Еще неясные черты,
И мысль об ней одушевила
Моей цевницы первый звук
И тайне сердце научила.

Перевод эпиграфа с немецкого таков: «О волшебство пер-

вой любви!...». Это строки из стихотворения «Первая любовь» немецкого поэта Кристофа Мартина Виланда (1733–1813), издателя первого в Германии журнала литературы и искусства «Германский Меркурий».

Они написаны во время поездки в Царское Село и навеяны воспоминаниями о первой любви. Иные полагают, что они посвящены любви к графине Наталии Викторовне Кочубей, в замужестве Строгановой (1801–1855), но есть все основания предполагать, что все-таки посвящены они балерине Наталье Овошниковой.

Ей же посвящено и стихотворение «К молодой актрисе». Начинает поэт с упоминания о знаменитой французской драматической актрисе Ипполите Клерон (1723–1803).

Ты не наследница Клероны,
Не для тебя свои законы
Владелец Пинда начертал;
Тебе не много бог послал,
Твой голосок, телодвиженья,
Немые взоров обращенья
Не стоят, признаюсь, похвал
И шумных плесков удивленья;
Жестокой суждено судьбой
Тебе актрисой быть дурной;
Но, Хлоя, ты мила собой...

То есть артистические дарования Натальи Овошниковой

оценены совсем невысоко и даже предречено: «Тебе актрисой быть дурной».

Но искушает то, что она «мила собой», что сулит «любовникам утех».

А это уже другое дело...

Итак, венцы перед тобой,
И несомнительны успехи.
Ты пленным зрителя ведешь,
Когда без такта ты поешь,
Недвижно стоя перед нами,
Поешь – и часто невпопад.

А мы усердными руками
Все громко хлопаем; кричат:
«Bravo! bravissimo! чудесно!»
Свистки сатириков молчат,
И все покорствуют прелестной.

Ну и далее в том же духе... Главное, что

Все шепчут: ах! как хороша!
Увы! другую б освистали:
Велико дело красота.
О Клоя, мудрые солгали:
На сцене с миленькой актрисой,
Жать руку ей, надеясь быть
Еще блаженней за кулисой.

Ну, то есть брала только красотой. Не техникой танца, не талантом балерины, а красотой. Даже, наверное, не балерины – это звание еще надо было заслужить, а танцовщицы.

Отношения же Пушкина с Натальей Овощниковой можно увидеть через его же стихи.

Свет-Наташа! Где ты ныне?
Что никто тебя не зрит?
Иль не хочешь час единый
С другом сердца разделить?
Ни над озером волнистым,
Ни под кровом лип душистым
Ранней – позднею порой
Не встречаюсь я с тобой.

Скоро, скоро холод зимний
Рощу, поле посетит;
Огонек в лачужке дымной
Скоро ярко заблестит;
Не увижу я прелестной
И, как чижик в клетке тесной,
Дома буду горевать
И Наташу вспоминать.

Поэт, по подсчетам биографа, посвятил этой своей любви пять стихотворений. Это немало! Но ни одного из них не опубликовал. Может быть, не хочет, чтобы кто-то прика-

сался к его первой любви? Но ведь к другим-то увлечениям прикасаться позволял. Мало того, публиковал стихотворения, посвященные любви ранней. Именно ранней. По его собственной градации, первой любви предшествовала любовь ранняя.

Впрочем, поговорим о ней несколько дальше. Пока же завершим размышления о судьбе балерины, возлюбленной поэтом.

Какова ее судьба? Доподлинно неизвестно. Но нам известны многие другие судьбы. О них рассказ в других повествованиях. А вот об одной из балерин поговорим, поскольку она жила примерно в то же время и к тому же еще была однофамилицей Натальи.

Звали ее Евдокия Овошникова.

Евдокия (Авдотья) Ивановна Овошникова (1804–1845) тоже была воспитанницей театрального училища, ученицей знаменитого в ту пору Шарля Дидло. Окончила учебу в 1822 году и вскоре стала солисткой балета. В 1825 году она упоминается как 2-я балерина балетной сцены.

Пушкин был знаком и с нею, но она не была его дамой сердца. У Евдокии Овошниковой был роман со знакомцем Александра Сергеевича – большим любителем балета да и театра вообще Никитой Всеволодовичем Всеволожским (1799–1862). Драматург и водевилист, он переводил стихи, даже пел. А известен тем, что основал общество «Зеленая лампа» – литературное общество петербургской дво-

рянской, преимущественно военной, молодежи. Общество собиралось в 1819–1820 годах. Как будто бы и не антиправительственное, но в то же время включавшее в свой состав будущих декабристов С.П. Трубецкого, Я.Н. Толстого, А.А. Токарева и других.

Именно в эти годы Пушкин, посещая собрания, часто виделся с балериной в доме у Всеволожского. И даже, когда тот уехал на некоторое время в Москву, напоминал ему о тоскующей деве, имея в виду именно Овошникову...

Но вспомни, милый: здесь одна,
Тебя всечасно ожидая,
Вздыхает пленница младая;
Весь день уныла и томна,
В своей задумчивости сладкой
Тихонько плачет под окном
От грозных аргусов украдкой
И смотрит на пустынный дом,
Где мы так часто пировали
С Кипридой, Вакхом и тобой,
Куда с надеждой и тоской
Ее желанья улетали.
О, скоро ль милого найдут
Ее потупленные взоры,
И пред любовью упадут
Замков ревнивые затворы?

А спустя два года, 27 июля 1821 года, он снова упомянул

ее в письме к брату Льву Сергеевичу:

«...Вот еще важнее: постарайся свидеться с Всеволожским – и возьми у него на мой счет число экземпляров моих сочинений... экземпляров 30. Скажи ему, что я люблю его, что он забыл меня, что я помню вечера его, любезность его... Овошникову его, лампу его – и все елико друга моего...»

В конце октября 1824 года, уже из ссылки, из Михайловского, писал: «Не могу поверить, чтобы ты забыл меня, милый Всеволожский... наперсника твоих шалостей, того Пушкина, который отрезвил тебя в страстную пятницу и привел тебя под руку в церковь театральной дирекции, да помолишься господу богу и насмотришься на госпожу Овошникову...»

Есть все основания полагать, что, составляя план нового своего романа «Русский Пелам», заметил о герое, что тот «продолжает свою беспутную жизнь. Связь его с танцоркой...»

Эта связь оставила заметный след. В 1823 году Овошникова родила Всеволожскому сына, которого назвали Ираклием Никитичем Никитиным, а в 1827 году дочь, Елизавету Никитину. Оба – и сын, и дочь – окончили балетное отделение театрального училища. Дочь в 1845 году стала танцовщицей Петербургской императорской труппы.

Сын родился еще до женитьбы Всеволожского. Всеволожский венчался в 1825 году с княжной Варварой Петровной Хованской (1805–1834), ну а дочь родилась, уже когда он

был женат. Впрочем, на это в то время особенно косо не смотрели.

Евдокия (Авдотья) Овошникова покинула сей мир в 1845 году. Дети продолжили ее дело.

Больших успехов добился сын Овошниковой и Всеволожского Ираклий Никитин. Еще в 1840 году, за год до окончания театрального училища, он дебютировал в Петербургской императорской труппе двумя крупными партиями: ролью Колена в балете «Тщетная предосторожность», который он сам же поставил в училище, и ролью Джеймса в «Сильфиде». В 1841 году по окончании училища Ираклий Никитин поступил в императорскую труппу. Причем его взяли сразу солистом. И, несмотря на засилье в то время иностранных актеров, он довольно быстро завоевал свое место под солнцем и даже стал первым русским танцовщиком романтического репертуара.

С 1845 года Ираклий Никитин работал в Москве, на сцене Императорского Большого театра, но в 1846 году, устав от борьбы за роли с иностранцами, уехал в Париж, затем в Вену. Именно в Венском императорском балете он получил известность. В Россию он вернулся лишь тогда, когда настала пора прощаться со сценой. С 1869 года жил в Москве, продолжая театральную деятельность в качестве педагога Московского театрального училища, где подготовил в числе других знаменитую балерину Екатерину Гельцер.

Наталья Овощникова или Софья Сушкова?

Кто же она – барышня, первой разбившая сердце поэта? Наталья? Нет, первые стихи посвящены той, которую поэт называл «ранней любовью».

Эта любовь, ранняя любовь, оставила отпечаток в поэзии, заметный отпечаток. Она отмечена и в литературе, посвященной Пушкину.

Писатель Петр Константинович Губер (1886–1940) сообщил в своей книге: «Пушкин впервые испытал любовь еще совсем ребенком». И далее указал, что в черновой программе автобиографических записок поэт отметил в части, касающейся детства, отдельным пунктом «Ранняя любовь», а среди перечисления событий лицейского периода: «Первая любовь», то есть «разделял эти два факта, очевидно, не считая своей “ранней” любви за настоящую», ведь тогда ему было не более 6–9 лет. И хотя о ранней любви, по словам П.К. Губера, «не сохранилось почти никаких биографических данных... в стихотворном “Послании к Юдину” припомнил этот полузабытый эпизод»:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.